Клиника жертвы

Автор:
Мария Воронова

Клиника жертвы

Мария Владимировна Воронова

Судьба не по рецепту. Романы М. Вороновой

На сайте общественной организации появляется анонимный дневник молодой женщины, в котором она описывает свою семейную жизнь. Автор дневника живет в небольшом городе, замужем за представителем городской администрации – полное благополучие, за единственным исключением: муж периодически ее избивает. Она тщательно скрывает эту сторону своей жизни, а в дневнике пытается анализировать, почему стала жертвой.

В это же время в реанимацию с тяжелой травмой попадает женщина. Интернет-общественность связывает это событие с дневником, к таким же выводам приходит и следствие.

Но на деле все оказывается гораздо сложнее…

Мария Владимировна Воронова

Клиника жертвы

© М. В. Виноградова, текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Увидев бывшую жену на пороге ресторана, Владимир Валентинович едва справился с волнением. Но, как подобает воспитанному человеку, поднялся и отодвинул для Марины стул. Она села и грустно улыбнулась ему.

– Узнал?

– Конечно. Ты совсем не изменилась.

Нейман не кривил душой. На его взгляд, жена выглядела абсолютно так же, как без малого двадцать лет назад. Марина сделала снисходительно-недоверчивую гримаску, Нейман немного успокоился, первый шок от встречи с прошлым отпустил. Он вгляделся в лицо женщины, которая когда-то – как давно, господи… – была частью его жизни. И все равно не увидел неумолимых следов времени.

– Будто я вчера посадил тебя в самолет… – вздохнул Владимир Валентинович. – А по твоим ножкам я узнал бы тебя и через тысячу лет.

Жена хихикнула, и он, чтобы скрыть смущение, подал ей папку с меню.

– Нет-нет, я буду только кофе. У нас ведь деловая встреча.

– Марина, разреши тебя угостить. Пожалуйста. Если ты не голодна, закажи что-нибудь экзотическое и страшно дорогое.

Мурлыкнув себе под нос, что Нейман за прошедшие годы стал необыкновенно галантен, она раскрыла меню. Оба не были искушены в высокой кухне, и после консультации с официантом Владимир Валентинович попросил два бокала хорошего красного вина, птифуры и кофе с молоком. Сделав заказ, он невольно усмехнулся – слишком этот набор напоминал их студенческие посиделки в кафетерии возле института, где училась Марина. Суть не меняется, и вкус, наверное, тот же, только кофе подали в изящных чашечках, а не в жутковатых бокалах с вытертым почти до полного исчезновения золотым ободком.

Пригубив вина, Марина достала из сумочки толстый блокнот.

– Что ж, Нейман, давай подведем итоги, – сухо сказала она. – С девяносто девятого года я готова отчитаться перед тобой за каждую копейку, которую ты мне переводил. Предыдущие три года мы жили трудно, приходилось тратить твои деньги на текущие расходы, поэтому четкой бухгалтерии я не вела.

– Что ты, Марина! Я вовсе не требую отчета. Эти деньги ты могла тратить как считала нужным.

Она нетерпеливо отмахнулась.

– Ты ознакомься с документом. Зря я, что ли, вела финансовую отчетность? Тут нет ничего сложного. Весь девяносто девятый и двухтысячный только приход, это было время первичного накопления капитала. Потом твои алименты уходили на взносы по ипотеке. Три месяца назад я все выплатила, и теперь у твоего сына есть отдельная квартира. Маленькая, правда, но будет куда привести жену на первых порах. А пока я ее сдаю.

Нейман пробежал глазами аккуратные столбцы цифр.

– А вот здесь все чеки… – Марина потянулась к сумочке.

Нейман остановил ее:

– Я тебя умоляю! Принимаю и утверждаю без замечаний.

– Тогда дальше. Все эти годы ты переводил мне внушительную сумму как в рублевом, так и в процентном выражении…

Владимир Валентинович поморщился:

– Давай говорить человеческим языком.

– Хорошо. Володя, ты присылал мне гораздо больше, чем двадцать пять процентов. Хотя по закону мог вообще ничего не присылать. Я знаю, ты уволился из армии, твои доходы, надо думать, упали, поэтому, хоть ребенку еще и не

исполнилось восемнадцати, я могу освободить тебя от алиментов.

– Зачем же? Я не нищий. Полон сил и собираюсь еще потрудиться.

Марина пожала плечами, дав понять, что Нейман имеет право жить как считает нужным.

– Серьезно, милая, – продолжал он. – Пятеро детей не шутка, и я считаю, что должен снять с вас бремя расходов на Сашеньку. Не хочу называть сумму алиментов, пока не устроюсь на работу, но в любом случае можешь на меня рассчитывать. Только прошу тебя, разреши мне видеться с сыном.

Она опустила глаза и нервно забарабанила пальцами по столу.

– Лучше ты мне денег больше не давай.

– Марина! Это мой ребенок!

– Был, – безжалостно отрезала она. – Валерий усыновил Сашу сто лет назад. Ты, между прочим, не возражал.

Нейман оторопел. Жена сурово вздернула подбородок и одним глотком допила вино, видимо, считая разговор законченным.

– Подожди, подожди. – Владимир Валентинович кивнул официанту и заказал еще два бокала вина. – Ты не хуже меня знаешь, что я давал это разрешение только в интересах сына. Никакой выгоды для себя я не извлек, посмотри в своем блокноте.

– Да, Володя. – Ее маленькая хрупкая рука, которой он так восхищался много лет назад, примирительно легла на его запястье. – Ты всегда заботился о сыне, прошу тебя, подумай о нем и сейчас.

Владимир Валентинович посидел молча, наслаждаясь теплом ее ладони, и не сразу вспомнил, что это тепло давно ему не принадлежит.

– Что плохого случится, если мальчик познакомится с отцом? Я не алкаш, Марина, как ты видишь, вполне достойный человек.

Потянувшись за сигаретами, она убрала руку, и Нейман очнулся.

– Ты не понимаешь? – быстро, проглатывая слова, заговорила Марина. – Нет, ты все понимаешь, просто притворяешься дураком, как обычно!

– Откуда ты знаешь – как обычно? За шестнадцать лет мои повадки могли измениться.

– Володя, перестань! Саша живет в большой дружной семье. Он знает, что у него есть мама и папа, братья и сестры. Ты предлагаешь сказать, что папа ему не папа, а мама – нехорошая женщина, бросила первого мужа?

– Давай скажем, что я тебя бросил.

– Отец-подлец? Это бессмысленно, он просто пошлет тебя подальше. Нейман, ребенку не нужны психологические травмы, особенно сейчас, когда формируется его характер.

Горько вздохнув, Владимир Валентинович попросил счет. Ясно, что переубедить Марину не удастся, по решительно сжатым губам видно: она станет бороться до конца.

– Что страшного, если ребенок узнает, что я отослал вас к родителям, когда ему было полгода? Ты же помнишь, как тогда было туго с деньгами, и тебе нужно было окончить институт. И ничего позорного нет в том, что ты решила связать свою судьбу с вдовцом, обремененным двумя маленькими детьми. Наоборот, ответственный и мужественный поступок. А ребенку, чтобы он чувствовал себя равным среди других детей, лучше было расти рядом с настоящим отцом, если не с биологическим, то с юридическим. Поэтому я дал разрешение на усыновление. Если мы все объясним Саше, он поймет. Марина, пожалуйста… Я специально получил квартиру в Ленинградской области, чтобы быть ближе к сыну. Я могу навещать его хоть каждый день, и он пусть приезжает когда захочет…

– Он не захочет, – отрезала Марина. – Ты для него чужой человек, он шестнадцать лет жил, не подозревая о твоем существовании. Зачем ты ему нужен?

– Я смотрю, я вообще никому не нужен.

– Володя, не начинай… Своим появлением ты только разрушишь жизнь собственного сына. Подумай о его чувствах, если он тебе дорог.

– Это ты, Марина, разрушила мою жизнь, – буркнул Нейман. – А теперь, когда я хочу из ее обломков соорудить маленький шалашик, ты и в этом мне отказываешь. Я всегда думал о твоих чувствах, о Сашиных, о чьих угодно, только не о своих собственных.

– Судьба такая, что поделаешь.

– Не фамильярничай со мной, ты давно не имеешь на это права! Я хочу общаться со своим сыном, и буду! Обойдусь без твоего разрешения.

Бывшая жена взглянула на него побелевшими от ненависти глазами.

– Попробуй. Я скажу Саше, что ты – сумасшедший, а если тебе все же удастся убедить его в том, что ты его отец, я такого наговорю ему про тебя, что он даже плюнуть не захочет в твою сторону.

– Ты способна травмировать его психику, сказав ему, что в нем течет кровь подонка?

– Не волнуйся, я найду что ему сказать! Нейман, серьезно тебе говорю – не лезь в нашу жизнь. Появлением в нашей семье ты никого не осчастливишь, в том числе себя самого.

– Марина, мы взрослые люди. Уверен, мы сможем найти решение, которое устроит всех. Если ты перестанешь упрямиться и поймешь справедливость моих притязаний.

Жена встала. Нейман уже расплатился, ничто не задерживало его в ресторане, и он отправился за ней.

– Ты сам отослал меня к своим родителям, я не хотела ехать, – сказала Марина. – Если бы я осталась с тобой, осталась бы навсегда.

Нейман подал ей куртку. Очень скромная вещичка, выглядящая эффектно только благодаря точеной фигурке бывшей жены. В юности Марина обожала наряжаться, но когда в семье пятеро детей – в браке с Валерием она родила еще двоих, – невозможно дорого и стильно одеваться.

– Зачем ты говоришь мне то, что я повторяю себе каждый день? – горько спросил он. – Прошлое не вернешь. И того факта, что Саша – мой сын, тоже не изменишь. Я хочу его видеть. И найду такую возможность.

– Не пугай.

– Не буду, – согласился Нейман и нарочито равнодушно усмехнулся. – Я в суд обращусь, пусть он тебя пугает.

Марина остановилась в дверях. Услышав про суд, она сразу как-то съежилась и с мольбой посмотрела на Неймана. Но его этот взгляд не тронул. Он знал, что сам мог бы смотреть на нее так хоть неделю, Марина даже не поморщилась бы.

– Какой суд, Нейман, ты с ума сошел? – прошептала она.

– Обычный суд, самый гуманный суд в мире. – Владимир Валентинович не смог приглушить злорадные нотки в голосе, да не очень и старался. – Если мы с тобой не можем договориться, то разумно обратиться к компетентным и беспристрастным людям. Доказать отцовство мне будет нетрудно, это раз. Квитанции от переводов, доказывающие, что я добросовестный родитель, у меня есть. Что еще надо для счастья? Мать и отец у нас имеют равные права.

– Умоляю тебя, не делай этого!

– Тогда давай решим, когда и как ты меня с ним познакомишь.

– Только не дави на меня! Дай мне время все обдумать.

Нейман распахнул перед ней тяжелую дверь ресторана.

– Хорошо, месяц. Как раз я обживусь на новом месте, устроюсь на работу… Но это последний срок, Марина. Если ты снова начнешь тянуть, я подам в суд.

Бросив Нейману, чтобы не провожал, она быстро ушла. Нейман грустно проследил за ее маленькой решительной фигуркой.

На душе было гадко и смутно. Мысль напугать бывшую жену судом родилась экспромтом, Нейман ничего такого не планировал. Но радости от того, что неожиданная находка оказалась действенной, Владимир Валентинович не испытывал.

«К черту, – уговаривал он себя, – я имею право на встречи с сыном, а если Марина поступает как бандитка с большой дороги, почему я должен это безропотно терпеть? Вполне нормально – тот, к кому пытаются применить силу, обращается за помощью к закону. Почему мне кажется, будто я поступаю непорядочно? Не потому ли, что я всю жизнь отказываюсь от того, что мне принадлежит? Беру только то, что мне предлагают с милой улыбкой и поясным поклоном, а сказать “Эй, дружище, ну-ка отдай мое!” кажется мне таким непроходимым жлобством, что я предпочитаю вовсе обойтись без этого… Я мог бы не отпускать жену. Мог бы не давать ей развода. Мог бы отказать Валерию в усыновлении… Да элементарно приехать в отпуск и дать ему в глаз, чтоб знал, как чужих жен уводить! Но так хотела Марина, а мне почему-то ее желания казались важнее моих законных прав».

Размышляя таким образом, Нейман дошел почти до конца улицы Восстания. Остановился возле мрачного серого дома в стиле модерн. Когда-то они с Мариной снимали здесь комнату. А она, наверное, даже не вспомнила, что здесь был их первый дом. Как все изменилось за эти годы… Вот тут, на углу Восстания и Кирочной, был гастроном, где они покупали готовые котлеты по двенадцать копеек, а иногда прилавок-холодильник бывал завален телами, другого слова не подобрать, молочных поросят. Марина тогда боялась ходить в магазин. Стены были выкрашены облупившейся серо-желтой краской, а в центре зала возвышалась будка с кассовым аппаратом, который гремел и звенел, пробивая чек. Теперь тут торгуют компьютерами. А в этом полуподвале была булочная.

Хлеб лежал на высоких деревянных стеллажах, к каждому стеллажу была привязана большая двузубая вилка, с помощью которой следовало определять свежесть буханок. За стеллажами – окошко, где тетка в белом халате с помощью стрелочных весов отпускала сухари и пряники в кульки из грубой серой бумаги. Все изменилось. Булочной давно нет, вместо аромата свежих плюшек магазин пропитался запахом дорогих духов.

Владимир Валентинович немного походил по подвальчику, вспоминая, как было раньше. Даже купил пенку для бритья, навязанную томной худощавой продавщицей.

«А как изменились женщины! – по-стариковски посетовал он. – По сравнению с девушками моей юности нынешние – просто другая ветвь эволюции».

Чтобы не очень уж грустить, Нейман подбодрил себя любимым изречением адмирала Нахимова: «У русского моряка нет легкого или трудного пути. Есть только один путь – славный». Что ж, он прошел этот славный путь. Ему не в чем упрекнуть себя. Только семья осталась почти в самом начале пути.

Слишком далеко. Не вернешь, не вернешься.

Я сразу узнаю жертву. Как? Напишу, что по особому тусклому взгляду, горькой безвольной складке рта, но это будет не совсем правда. Это было бы слишком просто. Жертвы любят выглядеть как победители, они смеются и напоказ радуются даже больше, чем обычные люди. Особенно когда от них этого ждут. Но я их все равно быстро вычисляю. Вокруг них серое, унылое поле, которое я ощущаю своими обостренными чувствами. Я узнаю их, как опытный врач сначала угадывает болезнь инстинктом и лишь потом находит доказательства своей правоты.

Мне пришлось очень хорошо их узнать, чтобы никто не узнал меня…

После тесноты общежития новая квартира казалась Нейману дворцом. Она действительно была хороша: с большой комнатой, просторным холлом и гигантской, в понимании неизбалованного Владимира Валентиновича, кухней.

Рядом с кухней Нейман с восторгом обнаружил еще одно большое помещение – столовую, так что однокомнатной его квартиру можно было назвать только формально.

Родина расплатилась с ним сполна, и даже больше. Вместе с лоджией площадь немного превышала положенный ему норматив, даже с учетом дополнительных двадцати пяти «командирских» метров, но чиновники закрыли на это глаза. Едва Владимир Валентинович осознал эту радостную новость, как получил еще один подарок: апартаменты предстали перед ним не бетонной пещерой, как он ожидал, а во всем великолепии новой отделки, такой добротной и приятной глазу, что ему не захотелось ничего менять. В кухне даже была подключена плита. Единственное, что могло бы испортить настроение взыскательному новоселу, – это линолеум, постеленный во всех помещениях. Но обалдевший от счастья Владимир Валентинович решил, что так даже лучше. Никаких трудностей с уборкой.

Он бродил по своему персональному раю, открывал встроенные шкафы, в которые ему нечего пока было положить, и чувствовал, как из непримиримого оппозиционера стремительно превращается в благодарного и лояльного гражданина. Настолько лояльного, что даже слова «реформа армии» больше не вызывали у него возмущения.

«Я честно свое отслужил. Почти тридцать лет. Мое время прошло. Как говорится, мы не успели оглянуться, а сыновья уходят в бой. И они сами разберутся, как жить».

Пора было думать о трудоустройстве. Новое ощущение вызывало в душе тревожный холодок. С восемнадцати лет Нейман привык ощущать себя частью могучей системы, и внезапно наступившая свобода воспринималась им как незащищенность. Каково это – самому распоряжаться своей судьбой?

Планируя жизнь после отставки, он собирался устроиться в гражданский флот, но оказалось – чтобы занять должность, соответствующую его статусу командира подводной лодки, нужно сначала поступить на третий курс мореходного училища. Без диплома о капитанской карьере нечего было и мечтать.

Некоторые его демобилизовавшиеся товарищи начинали свое дело. Предлагали ему компаньонство, но у Неймана не было начального капитала, все деньги он отсылал сыну.

Перед демобилизацией полагалась учеба. Ознакомившись со списком предлагаемых специальностей, Нейман приуныл.

– Вы посмотрите на меня! Вы поговорите со мной, – убеждал он командование, – чему меня можно обучить за четыре месяца? Меня и за четыре года ничему не обучишь!

Но ему сказали: раз положено учиться на гражданскую специальность, пусть идет и учится, чтобы не нарушать отчетность. И Владимир Валентинович послушно получил права категории С, хотя работать шофером не собирался.

Но кто возьмет на привлекательную должность сорокашестилетнего мужчину без опыта работы? Нейман даже готов был преподавать ОБЖ в школе, рассудив, что раз уж он умел построить новобранцев, то справится и с детьми. Однако и директор школы не смог его принять: не было необходимых дипломов.

Через две недели Нейман слегка обезумел от безделья и неопределенности. Он размещал резюме на разных сайтах, тщательно следил за вакансиями, откликался на объявления. И не получил ни одного приглашения на собеседование. Он не особенно злился, понимая: будь он руководителем учреждения, не озабоченного пуском баллистических ракет, тоже не взял бы на работу бывшего солдафона с тридцатилетним стажем.

В конце концов, просматривая местную газету, он задержал взгляд на объявлении, давно висевшем в колонке. Требовались водители машин «Скорой помощи». «Не мой уровень, но хоть людям буду помогать, – рассудил Владимир Валентинович. – Кроме того, работа сменная, останется время искать что-то получше».

Когда это началось? Можно уговаривать себя, что тебе просто не повезло. Что это случайный выбор судьбы. Просто был пропущен первый удар-нокаут, и с тех пор ты так и живешь. С выключенными мозгами. Будто автокатастрофа. Вдруг теряется управление, или какой-то лихой водитель, которого не ждешь и не

можешь предвидеть, выскакивает на встречную полосу. Один миг – и жизнь становится другой. Из благополучного активного человека ты превращаешься в инвалида. Внезапно, случайно, без вины. И все равно каждую свободную минуту перебираешь прошлое, пытаясь понять, что привело тебя на эту дорогу. Как получилось это трагическое совпадение места и времени? И постоянно повторяешь, как заклинание, горькое и безнадежное слово «если бы». Самое жуткое и губительное слово на свете… Но ты не можешь от него избавиться, и фантазируешь, как могло бы быть. Словно доказательство от противного в геометрии. И в один прекрасный момент понимаешь – было бы то же самое. Ведь единственное «дано» в задачке – это ты.

Глава 2

Работа неожиданно увлекла Неймана. Он пока не понимал, нравится ли ему водить «Скорую» и не наносит ли это ущерб его самооценке. Не говоря даже о положении подчиненного для бывшего командира подводного крейсера, все оказалось для него новым: новые обязанности, новые люди в незнакомом городе, транспортную систему которого Нейману предстояло быстро изучить. Ведь зачастую жизнь больного зависит от того, насколько быстро водитель доставит к нему бригаду медиков. Своей машины у Владимира Валентиновича не было. На Камчатке он ездил на «Тойоте» с правым рулем, купленной в незапамятные времена уже подержанной. Все называли ее «старая японка» и шутили, что это единственная женщина в жизни Неймана. При переезде с «японкой» пришлось расстаться, она просто не вынесла бы перемены климата.

Он внимательно проштудировал карту города, слава богу, в навигации был не новичком. Гулял по улицам, прокладывая самые короткие и безопасные с точки зрения пробок маршруты. Впрочем, это явление, столь изматывающее жителей мегаполисов, было здесь практически неизвестно.

За свое водительское мастерство Владимир Валентинович был спокоен. Кроме автошколы в молодости и недавних курсов, его в свое время учил ездить летчик с авианосца, пилот от бога, про которого говорили, что он не сажает самолет на палубу, а ставит.

Заведующая станцией «Скорой помощи» поначалу отнеслась к Нейману настороженно, заподозрив в нем тайного алкоголика. Ох уж эта заведующая! Принимая его на работу, она хмуро заметила, что теперь ему, боевому офицеру, придется подчиняться женщине, причем намного его моложе. Перенесет ли это Нейман?

Он галантно ответил, что любой мужчина будет счастлив стать не просто подчиненным, но и рабом столь прекрасной дамы. Он не кривил душой – Кристина Петровна была очаровательна. «Как настоящая парижанка!» – при первом взгляде на нее подумал Владимир Валентинович, хоть никогда и не бывал во Франции. Жгучая брюнетка с огромными жемчужно-голубыми глазами и аккуратным носиком с пикантной горбинкой. А ножки…

Просто загляденье, а не заведующая.

И это вот загляденье вело себя так, что Нейману казалось, будто он не оставлял военной службы! Через две недели работы он воскликнул:

– Я знал командиров лодок. Знал адмиралов. Беседовал с командующим группировкой. Я думал, что знаю о флотской муштре и армейской дуристике все. Но я не знал вас, Кристина Петровна!

Она довольно ухмыльнулась: какой изысканный комплимент.

Вот и сейчас Нейман, ожидая вызова, сидел в холле и через приоткрытую дверь кабинета заведующей слышал, как та распекает фельдшерицу. Если отвлечься от женского голоса, полное впечатление, будто он присутствует на разносе у командующего.

– Не надо мне тут симулировать наличие мозга, – говорила Кристина Петровна, – не поверю. Выполняйте, что сказано.

– Но я думаю…

– А вот этого не надо! Это опасно для окружающих и для вас самой. Повторяю: приходите на эту долбаную деонтологическую комиссию, опускаете глаза в пол,

слушаете бред старых крокодилиц и просите прощения. Все.

Нейман пожалел фельдшерицу, хорошенькую, но, видно, строптивую девушку. Несколько раз он ездил с ней на вызов и был восхищен ее спокойными и уверенными действиями. Он взял бы ее с собой в автономку: девушка обладала ценнейшим для подводника качеством – не поддаваться панике в экстремальной ситуации. Владимир Валентинович не понимал, чем фельдшерица могла прогневать начальство. Зная, что подслушивать нехорошо, он навострил уши.

– Кристина Петровна, я не считаю себя виноватой. Холмогоров первый начал орать, зачем я привезла почечную колику. Мол, у него и так работы полно. А как я не повезу? Вдруг там аппендицит? Помните, Заславский один раз аппендицит дома оставил, так его премии лишили. Зачем это мне?

Нейман поморщился. Уважение к фельдшерице померкло.

– Вы не в детском саду, Наташа! Что значит – первый начал? Холмогоров негодяй и склочник, как все мужики, и вы из-за него можете лишиться премии не хуже, чем из-за пропущенного аппендицита. Поэтому слушайте меня. Прийти молча. Глазки в пол. Не перебивать…

– А если они все на меня накинутся?

– Значит, сами друг друга перебьют! Короче, Наташа! Это приказ! Не надо спорить ни здесь, ни там. Выучите одно-единственное, видимо, новое для вас слово: виновата. И тупо повторяйте его на комиссии.

– Но я не считаю себя виноватой!

– Ладно. – (Нейман услышал, как начальница тяжело вздохнула.) – В мои обязанности входит повышение квалификации работников. Пять минут потрачу на ликбез. Холмогоров написал жалобу, что вы грубо с ним разговаривали, так? Будто сам не мог на месте с вами разобраться! – в сердцах заметила Кристина Петровна. – Как настоящий мужик поступил, ничего не скажешь. Натравил на нас старых куриц! Ну да что еще ждать от нынешних мужчин. Короче, деонтологическая комиссия ожидает увидеть отвязную хамку. Они заранее себя разогревают, готовят убийственные речи и пронзительные взгляды. И если вы начнете качать права, они подумают: действительно, какая хамка! Несчастный

Холмогоров! А вот если увидят девочку-ромашку… Во-первых, и в главных, их сценарий будет сбит. Они растеряются, и в их головах невольно возникнет сомнение – а могла ли эта невинная девочка настолько забыться, чтобы оскорбить дежурного хирурга? Может, он переутомился просто? И тут включаюсь я с хвалебной одой. Поражена, изумлена, на Наташеньку, самую послушную и вежливую сотрудницу, это так не похоже, что скорее всего они с Холмогоровым просто не поняли друг друга. Холмогоров начинает брызгать слюной: да я! да она! А вы, Наташа, смотрите на него взглядом Мадонны и говорите: Игорь Николаевич, простите, если я чем-то вас обидела. Поверьте, я не хотела! Запомнили? Лучше запишите на бумажке. Короче, при таком раскладе ни у кого не поднимется рука лишить вас премии. Согласны?

– Да, Кристина Петровна.

– Вот почему вам нужно все объяснять да разжевывать? Пора бы знать, что начальству надо просто верить. Все, идите.

Они вместе вышли из кабинета.

– Подслушиваете, полковник? – дружелюбно поинтересовалась Кристина Петровна.

– Капитан первого ранга, если угодно величать меня по званию, – поправил Нейман.

– Слишком длинно.

– Тогда капраз[1 - На военно-морском жаргоне – капитан первого ранга.]. И да, я действительно вас слышал. Знаете, что меня удивило?

– Любопытно.

– Вы боитесь пропустить аппендицит, но думаете при этом только о премии. Кажется, судьба больного вас абсолютно не волнует. Неужели, если вы станете причиной смерти или неоправданных страданий человека, вас будет мучить только сожаление о неполученной премии, а не угрызения совести?

Кристина Петровна и Наташа посмотрели на него с одинаковым выражением снисходительного сожаления. Вроде как на недоумка.

– Абстрактный гуманизм, – сказала начальница. – Бывает. Не бойтесь, капраз, я вас вылечу. Терапию начнем со следующей же смены. Беру вас к себе в бригаду.

– Зачем? Мы с Филатовым, кажется, неплохо сработались…

– Приказы не обсуждаются, и вы, капраз, должны знать это лучше других. Но все же объясню. Я поставила вас с Филатовым, потому что он отлично знает город и мог подсказать вам дорогу. Но Филатов богатырь, вас природа тоже не обидела, а я единственная езжу на вызовы без фельдшера. Будет справедливо, если я заберу вас себе. Ничего личного, поверьте. Ваша мужская стать нужна мне с утилитарной целью – таскать старушек и кислородные баллоны.

По роду своих обязанностей Нейман редко появлялся в приемном отделении. Если Кристина Петровна госпитализировала больного, способного передвигаться самостоятельно, Владимир Валентинович ждал ее в машине, если требовались носилки, разумеется, помогал. Но в таких случаях начальница предупреждала, что везет тяжелого пациента, и в приемном покое их уже ждал врач. Врач быстро расписывался в талоне вызова и с дежурной шуткой «конвой свободен» отпускал бригаду.

Но сегодня система дала сбой. Терапевт не мог оставить больного с отеком легкого, и бригаде пришлось задержаться.

Кристина Петровна наблюдала пациента, а Нейман, чтобы не мешать ей, решил прогуляться по приемному отделению. Недавно здесь сделали бодренький, но дешевый ремонт. На первый взгляд помещения выглядели отлично – чистые, светлые, современные, – но, присмотревшись, Владимир Валентинович отметил поистине королевское небрежение к мелочам. Кафельная плитка лежала вразнобой, неровно, без учета рисунка, все стыки и углы были обработаны кое-как, да и качество труб оставляло желать лучшего. «У меня бы они за такую работу схлопотали». Пока Нейман находился на Камчатке «в распоряжении», его постоянно включали в состав разных комиссий, и он невольно заболел тем, что называется мировоззрением ревизора.

Он заглянул в комнату персонала, посмотрелся в зеркало. Оно отразило плечистого мужчину в нелепой голубой рубашке. За тридцать лет службы Нейман так привык к форме, что сразу справил себе в «Медтехнике» полный комплект работника «Скорой», хотя никто от него этого не требовал.

Владимир Валентинович смотрел на себя с интересом: дома у него пока не было больших зеркал, и он не очень представлял, как теперь выглядит.

Что ж, гражданская жизнь и перемена климата почти не сказались на его облике. Все та же физиономия с крупными правильными чертами. Нейман никогда не считал себя красавцем, а Марина говорила, что бог создал его в строгом соответствии со стандартом нормального мужика, но не снабдил никакой «изюминкой», никаким дефектиком, а ведь только эти маленькие браки в работе природы делают людей по-настоящему привлекательными.

Он взъерошил волосы – густые, слегка вьющиеся. Очень хорошие волосы, хоть и с ранней сединой, предмет зависти бывшей жены. Интересно, унаследовал ли их Сашенька? Каким он стал теперь? Марина давно, уже года полтора, не посылала ему фотографий сына. То у нее не было свежих снимков, то Интернета. «Вранье, наверное, – скучно подумал Нейман, – просто готовила меня к отказу от ребенка».

После встречи в ресторане Нейман не пытался связаться с бывшей женой. Он дал ей месяц на размышление, и должен его выдержать.

Тут было не только благородство мужчины, привыкшего держать слово. Неймана пугал предстоящий разговор с женой, и он рад был отсрочить его. Ведь, если Марина категорически откажет, придется идти в суд, а этого Владимиру Валентиновичу хотелось меньше всего на свете. Но что делать, если жена не даст ему другого выхода?

Он понимал, что создаст Марине и сыну проблемы. Ей придется строить отношения с бывшим мужем, терпеть его в своем доме, прислушиваться к его советам по воспитанию Саши.

Да и Сашенька тоже пострадает, это ясно. Легко ли в шестнадцать лет узнать, что твой отец совсем не тот человек, которого ты привык называть папой? А раз отец – не отец, получается, ты тоже не совсем ты…

Тяжело. Но боль отца, навеки разлученного с сыном, наверное, тяжелее…

Если бы он был безответственным придурком, шестнадцать лет бегал бы от алиментов, а потом: здрасте, вот он я! Прошу любить и жаловать! Но ведь безответственный придурок и не стал бы договариваться с бывшей женой, просто заявился бы в семью, и все.

Как трудно жить, когда у тебя есть совесть…

Надеясь отвлечься от печальных мыслей, Нейман зашел в диспетчерскую. Он успел познакомиться с местными медсестрами и в свободное время невинно флиртовал с ними.

* * *

В диспетчерской он увидел дежурного травматолога и пациентку – молодую, плохо одетую женщину. Нейман отметил спущенный чулок, порванную блузку и пятна грязи на юбке. Смотреть на это было грустно. Нейман никогда не был эстетом и мало внимания обращал на женские туалеты. Расцвет его мужской активности пришелся как раз на нищие годы перестройки, когда морякам по полгода не выплачивали и без того невеликую зарплату, и баловать жен и дочерей было попросту невозможно. Зачастую в доме подводника было нечего есть, где тут думать о нарядах! Выходили из положения так: отец семейства ходил в старой форме, а полагающуюся ему новую брал материалом, из которого и шились женские и детские вещи. Одна из предприимчивых жен навострилась превращать форменные рубашки в элегантные блузки: перешивала воротник на стоечку, отрезала резинку внизу, обшлага на рукавах – и вуаля! Прелестный наряд в стиле милитари. Завершающим этапом она красила изделия в разные цвета, на флотскую бязь краска ложилась плохо, потеками, но это лишь придавало изделию дополнительный шарм.

Нейману приятно было смотреть на тех женщин: даже в простых самоделках они не теряли очарования.

Наряд же этой женщины выглядел пошло-дешевым, каждая из ее копеечных вещичек была снабжена оборочками, бантиками и стразиками. Она явно хотела быть привлекательной. Печальное зрелище разрушенных, втоптанных в грязь

женских надежд.

Она о чем-то на повышенных тонах просила травматолога, причем в ее голосе странно сочетались и умоляющие, и грубые интонации.

– Мы не снимаем побои, – недослушав, отрезал травматолог.

«Мы только наносим», – буркнул про себя Нейман.

Как он понял, женщину избил муж, и она пришла зафиксировать повреждения.

– Идите в милицию. Пишите заявление, вам дадут направление к судмедэксперту.

Кажется, женщина была подшофе. Травматолог всеми средствами давал понять, что разговор окончен, но она не уходила.

Нейману стало ее жаль. Он решил вмешаться:

– Почему вы не хотите помочь?

– Не понял? – Травматолог окатил его специальным взглядом.

Будто бы он мог воздействовать на закаленную психику подводника!

– Я говорю, почему бы не сделать, что она просит? Она же пришла с жалобами, побои, наверное, повредили ее здоровью?

– Слушайте, вы, насколько я знаю, водитель? Вот и водите, а меня не надо учить работать.

– Да не учу я, просто по-человечески… Вы хоть осмотрите ее, вдруг там что-то серьезное, может и не сразу проявиться на фоне шока.

Травматолог фыркнул. Это был молодой холеный мужчина, несчастная пациентка явно казалась ему существом низшего порядка.

Нейман вспомнил годы командирства. Что ж, в его арсенале тоже были специальные взгляды, и усмирял он ими не таких хлипких мальчиков, а закаленных мужиков, заглядывавших в гораздо более страшные, чем Неймана, глаза – глаза смерти.

– Надо помочь.

И травматолог пригласил женщину в смотровую. При этом он изобразил сложную и яркую пантомиму, но Нейман не обиделся.

– Вы даете, капраз! – фыркнула Кристина Петровна, когда он подсаживал ее в кабину «Скорой». – Без году неделя работаете, а уже начали свои порядки наводить.

– Я просто пожалел женщину. – Нейман занял водительское место.

Травматолог наябедничал начальнице. Когда только успел?

– Ну-ну.

Кристина Петровна стала звонить на станцию: нет ли вызова. Можно было и доехать, станция располагалась в ста метрах от приемного отделения больницы, но начальница жалела Неймана, избавляя его от необходимости лавировать между припаркованными машинами докторов и миновать идиотский шлагбаум, который неизвестно зачем администрация установила посреди больничного городка. Или Кристина Петровна просто казенный бензин жалела?

В начальнице деспотизм причудливо сочетался с вежливостью. Во всем, что не касалось непосредственно работы, она была очень уступчива. Всегда спрашивала, по вкусу ли Нейману музыка в машине, не дует ли в открытое окно. Она могла жестко отчитать сотрудника за промах, а через минуту любезно угощать его кофе. Сотрудники «Скорой» часто просили водителей подкинуть до электрички или привезти из магазина что-нибудь тяжелое. Кристина Петровна обращалась за помощью очень редко и всегда начинала с фразы: если вас не затруднит.

– Как у нас с бензином?

– Под пробочку.

– Тогда поедем в Ключики, привезем роженицу?

Нейман кивнул, но заметил, что не знает дороги.

– Я покажу. Вообще-то туда должна из района «Скорая» ездить, но, во-первых, нам ближе, а потом они все наши городские полисы себе сделали. Эти Ключики… Черная дыра! Или жуткие ножевые оттуда привозишь, или дикую пьянь. Ключики от ада надо было их назвать. Там еще местный фельдшер есть, настоящее порождение преисподней. Вообще не просыхает. Последний аппендицит, на который я по его заявке выезжала, оказался сотрясением головного мозга.

– Не пугайте. – Владимир Валентинович выехал на проспект и притормозил. – Куда дальше?

– Направо. Думаю, времени у нас достаточно, но на всякий случай включите спецсигналы.

Нейману нравилось ездить с преимуществом, но порядочности водителей он не слишком доверял – перед перекрестками всегда немного притормаживал.

Вскоре они выехали из города, миновали широкий пояс садоводств и оказались на природе. Нейман с удовольствием поглядывал на окружающий пейзаж. Дорогу обступил сумрачный лес. Ветви огромных елей поникли под тяжестью снежных шапок. Низкое вечернее небо хмурилось, солнце уже село, но снег еще искрился, будто сам по себе. Надо как-нибудь поехать за город не по делу, а просто так, решил он. Погулять в лесу. На обочине он заметил хорошо накатанную лыжню и подумал, что обязательно купит лыжи.

Значительная часть жизни Владимира Валентиновича прошла, что называется, «под пейзажами». А когда он не был в походе, тоже не особенно разглядывал окружающий мир. Быстро привык к диким величавым красотам Камчатки и перестал восхищаться вулканами, океаном – всем тем, что навсегда западает в

душу любому приезжему.

После отставки у него стало намного больше времени, а забот, напротив, убавилось, и Нейман узнал новую радость – любоваться природой.

Но сейчас нужно было сосредоточиться на дороге. Гололеда нет, но путь сложный, извилистый, как знать, не вынырнет ли из-за поворота нетерпеливый водитель, решившийся на обгон?

– Вы все же напрасно вмешались, – нарушила молчание Кристина Петровна.

– Считаете, я не прав?

– Как посмотреть, – задумчиво протянула она. – Ваш порыв понятен и вызывает уважение, но травматолог тоже прав. Он-то не впервые с этим сталкивается. И скажу вам, капраз, все это так рутинно, так скучно и грязно, что не стоит ваших нервов.

Нейман прошел крутой поворот. Машина слушалась прекрасно.

– Я не привык быть в стороне, когда обижают женщину, – заявил он и смутился от собственного пафоса.

Кристина Петровна фыркнула:

– Сама виновата!

– Позвольте! Женщина виновата в том, что ее избил муж? Что вы такое говорите!

Он горячился, происшествие в приемном отделении взволновало его. Раньше он никогда не сталкивался с подобным. Никто из подводников не поднимал руку на жену. Даже если жена изменяла. Случались, разумеется, шумные скандалы, но если кто и гонялся за кем по всему поселку подводников, так это жена за мужем, и никогда – наоборот.

– По-человечески ее жалко, – вздохнула Кристина Петровна, – но никто же не мешает ей развестись. Однако она этого не делает. Больше того, завтра она

протрезвеет, вспомнит, что мужняя жена, а несколько ударов по физиономии – нормальная цена за этот высокий статус. Между тем мы по ее обращению обязаны дать телефонограмму в милицию.

– И в чем проблема?

– В том, что она, довольная, придет домой, объявит, что зафиксировала побои и теперь у нее управа на мужа есть. Вроде как отомстила. А муж получил психологическую разрядку, пока ее бил. И теперь оба радуются жизни. А на следующий день звонит участковый и спрашивает: что у вас произошло? Ах, отвечает она, мы так хорошо живем, муж меня пальцем не тронул, и вообще я вчера нигде не была, работники приемного отделения что-то напутали. И участковый в недоумении начинает разбираться с дежурной сменой. Серьезных последствий, конечно, нет, но все равно неприятно.

– Вы так уверенно говорите! Ситуации-то разные бывают…

– В том-то и дело, что нет! – отрезала Кристина Петровна. – Как под копирку. Даже периодичность примерно одинаковая. Две-три недели. Замкнутый цикл: накопление негатива и разрядка. Кто на самом деле не хочет больше терпеть, идет и разводится. А посещения приемного покоя – это так, самообман. Вся беда в том, что женщины, избавившись от экономической зависимости от мужчин, никак не могут избавиться от зависимости психологической.

– Не понял, – буркнул Нейман.

Кажется, он, сам того не желая, ввязался в бесплодную дискуссию на тему «Все мужики козлы».

– Очень просто. В наше время женщина – самостоятельная единица, надеюсь, с этим вы спорить не будете?

– Как можно…

– Она зарабатывает себе на жизнь и обеспечивает собственную безопасность. Прекрасно может прожить своим умом, но, если не имеет при себе двуногого паразита, жизнь превращается для нее в трагедию. Хоть плохонький, да мой –

эта древняя поговорка почему-то не потеряла в наши дни актуальности. Самое смешное, что эта, с позволения сказать, дама искренне будет меня презирать, если узнает, что я одинока.

– Вы? – Нейман изумился. – Никогда бы не подумал!

Кристина Петровна засмеялась:

– Будете меня жалеть? Раз я не обзавелась мужем, жизнь не удалась? А то, что я неплохой врач и в тридцать четыре года заведую городской станцией «Скорой помощи», ничего не значит?

– Помилуйте, Кристина Петровна! Я просто удивился, что такая красавица, как вы, не нашла себе пару.

– Вы, наверное, думаете: ах, жалкая бравада неустроенной женщины, – не слушая его, продолжала начальница. – А я, как ни странно, считаю, что не стала бы счастливее, если бы какой-то идиот мог избивать меня, когда ему заблагорассудится.

– Среди нас попадаются и нормальные люди.

Владимир Валентинович проехал дорожный знак, успев заметить, что до Ключиков еще десять километров. Он немного прибавил газу. Прислушался к ощущениям: все хорошо, машина полностью управляема и не стремится улететь с дороги.

Начальница не замужем, ну и дела! Он и предположить такого не мог, ведь она всегда была довольна миром и собой. Такого спокойного взгляда он у неприкаянных дам не встречал. «Тебе-то какое дело до ее личной жизни, старый дурак», – одернул себя Нейман.

Кристина Петровна поудобнее устроилась на сиденье и принялась излагать свои взгляды на современных мужчин. То, что она беседует с одним из представителей этой жалкой разновидности человечества, ничуть ее не смущало.

– Разумеется, не все мужское население страны – спившееся агрессивное быдло, но и среди так называемых нормальных тоже ничего хорошего. Успешный бизнесмен или карьерист, как правило, самодостаточен, и женщина для него лишь удобная вещь вроде бытовой техники. Он использует ее для своего комфорта, а потом меняет на более современную модель. А пылкий влюбленный нередко оказывается бездельником и в итоге, отвлекая внимание сладкими речами, залезает вам на шею. Или вы нарываетесь на неудачника, который, чтобы доказать самому себе, что чего-то в этой жизни стоит, начинает вас шпынять. Получается, самый безобидный вариант – это ипохондрик.

– Кто? – не понял Нейман.

– Человек, считающий себя хронически больным. То у него ноет спина, то шалит желудок… Причем, странное дело, от здорового и диетического питания, которым вы его снабжаете, у него изжога, а на колбасе и шашлыках он великолепно себя чувствует.

– Я смотрю, у вас богатый опыт, – съязвил Владимир Валентинович.

– Бросьте, капраз. Мы живем в двадцать первом веке, сейчас, чтобы сделать научный вывод, не обязательно ставить эксперименты на себе.

– Вы прямо феминистка какая-то!

– Ни в коем случае! Мужененавистница, это да. Не отрицаю. Но феминисток не люблю, ведь именно они довели сильный пол до нынешнего состояния. Дуры! Боролись за равные права, а получили одни обязанности. Потому что хотели не только править миром, но и быть любимыми! Впрочем, это отдельный разговор, мы вернемся к нему как-нибудь в другой раз, если вам будет угодно. Не сердитесь на меня, Владимир Валентинович. Наверное, вы правы, и хорошие люди есть среди мужчин. Но лично я не желаю становиться зависимой от кого-то лишь на том основании, что в его генетическом наборе недостает куска хромосомы.

Нейман поежился. Как-никак он носил брюки, значит, должен был принять речи начальницы на свой счет.

– Ваши измышления, – запальчиво сказал он, – больше напоминают не научные выводы, а постулаты из глянцевых журналов.

Кристина Петровна рассмеялась:

– А что плохого в глянцевых журналах? Глупо, может быть, примитивно, это да. Но в реалистичности им не откажешь. Правда вообще глупа, капраз.

Почему мне выпала такая судьба? Специалисты утверждают, что все проблемы человека коренятся в его детстве. Но, вспоминая свои юные годы, я не нахожу ничего, что могло бы подтолкнуть меня к нынешнему моему состоянию. Большая семья в большом доме. Три поколения живут вместе счастливо и мирно. Никто и никогда меня пальцем не тронул, мысль, что меня могут подвергнуть телесному наказанию, казалась абсурдной. Чувство защищенности не покидало меня вместе с чувством незыблемости окружающего мира. О том, что у ребенка может не быть папы или папа может уйти из семьи, мне стало известно только в школе, и, помню, это был сильнейший шок. Не страх, нет, ни в коем случае. Мой папа был мой папа, и он никогда, ни при каких обстоятельствах не мог меня покинуть. Мне было просто очень жалко тех детей, ведь у них нет того, что есть и всегда будет у меня. И мне было непонятно, как они могут без этого жить. Без вечерних прогулок с отцом, когда ты держишь его за руку, а потом виснешь на ней, чувствуя ее силу и зная, что весь мир может провалиться в тартарары, но эта рука никогда не выпустит тебя. Без сказки на ночь, когда отец читает и начинает клевать носом на второй странице, а тебе интересно, и ты дергаешь его за уши и верещишь – читай! читай! читай!

При этом нельзя сказать, что меня баловали. К воспитанию родители относились очень серьезно и внимательно. За неподобающее поведение наказывали, но всегда справедливо, всегда объясняя, в чем вина.

Пусть это прозвучит нескромно, но они добились хорошего результата. Я, по общему мнению, очень воспитанный человек, надежный, трудолюбивый и честный. Отзывчивый. Всегда помогаю, если есть во мне нужда. У меня много друзей, люди ко мне тянутся, я вижу. Не только из-за моего нынешнего положения. Тем более я никогда им не пользуюсь. Может быть, я не «решаю вопросы», но поддержать, по-человечески помочь – это ко мне. И уж во всяком случае, я никому не создаю проблем. Никому. Кроме себя.

Роженица была совсем молоденькая девушка, такая маленькая и щуплая, что ее большой живот казался недоразумением. Она ехала одна. Ни мужа, ни другой родни, которая должна бы поддержать в такую ответственную минуту.

Вздохнув, Нейман устроил девушку с Кристиной Петровной в салоне и сел за руль. Начальница жестами и трагическим шепотом дала ему понять, чтобы торопился, – роды начнутся с минуты на минуту. Выехав с заваленного снегом грейдера, Владимир Валентинович включил сирену и втопил педаль газа. В Ключики они добирались сорок минут, но теперь дорога ему знакома, обратно должны домчать за полчаса.

Оглядываться в салон он не мог, но предполагал, что женщинам приходится там несладко. Хоть машина и носит гордый статус иномарки, она не приспособлена для наших дорог. Болтает хуже, чем в маршрутке. Но сейчас скорость нужно было предпочесть комфорту.

Через десять минут в окошко, соединяющее кабину с салоном, постучали.

– Все, капраз, приехали.

– ?!

– Паркуйтесь, рожать будем.

Он послушно съехал на обочину.

– Идите сюда, будете помогать.

– Я?

– Капраз, не тормозите!

У него закружилась голова. Через окошко он слышал стоны роженицы и даже боялся подумать, что там происходит. А уж чтобы самому принять участие…

– Не могу, Кристина Петровна, увольте!

– И уволю!

– Мне что-то нехорошо.

– Это ей сейчас нехорошо! – строго перебила начальница. – Да что с вами, капраз? Вы подводник, смерти не боялись, неужели новой жизни испугаетесь?

Он вышел, точнее сказать, выпал из кабины и на негнущихся ногах перешел в салон. Женщина лежала на носилках, и первое, что бросилось ему в глаза, – ее бледные, беспомощные ноги. Нейман отвернулся. То, что он, мужчина без медицинского образования, видит сейчас, казалось ему нескромным и даже оскорбительным для несчастной женщины.

– Кислородику бы ей дать, – бормотала Кристина Петровна, быстро распечатывая пакет со стерильным бельем.

– Так есть же баллон. – Нейман открыл чемодан скорой помощи: по команде Кристины Петровны он должен был набирать в шприцы лекарства.

– Некогда.

– Давайте я налажу.

– А вы умеете?

– Будьте спокойны. Я же подводник. Все дыхательные аппараты – как Отче наш.

Его руки уже собирали систему. Нейман осторожно надел маску на лицо женщины и улыбнулся ей. Он даже не знает, как ее зовут.

Девушка через силу улыбнулась в ответ – шевельнула припухшими, запекшимися губами. Она не кричала, не плакала и старательно выполняла все команды Кристины Петровны.

В глазах ее не было страха, кажется, она вообще не думала о том, что рожает на сельской дороге, в довольно хлипком автомобиле, и от холодной зимней метели ее спасает только железный корпус. «А если роды затянутся и у нас кончится бензин?» От этой мысли Нейман похолодел и стал в унисон с Кристиной Петровной кричать девушке:

– Тужься, тужься!

– А теперь отдохни. Подыши спокойно. – Кристина Петровна сама шумно выдохнула. – Черт, неудобные носилки, некуда пятками упереться. Что же делать?

Нейман достал носовой платок и промокнул пот на лице роженицы.

– Ну-ка, капраз, – Кристина Петровна хищно взглянула на него, – давайте сюда свои руки…

Она приподняла головной конец носилок. Рискуя вывихнуть себе позвоночник, Нейман скорчился за носилками и вытянул руки. В его ладони Кристина поместила ступни девушки.

– Акушерским креслом мне еще бывать не приходилось, – проворчал он и ободряюще пожал ножки роженицы.

Тут пришла новая потуга, и Нейману пришлось напрячь мускулы.

– Ты не терпи, кричи, если тебе так легче, – сказал он, но девушка, кажется, не слышала его.

Он смотрел в ее глаза – черные, совсем пустые. Роженица выполняла команды, но понимала ли, кто сейчас рядом с ней? Боль туманила ее сознание, но только ли боль? Что чувствует женщина, когда производит на свет дитя? Кажется, нечто большее, чем физические страдания… «Она не с нами сейчас», – понял Владимир Валентинович. Душа ее где-то в другом мире, между жизнью и смертью, отправилась в опасное путешествие за душой ребенка. В эту минуту она видит все тайны бытия, проникает туда, куда человеку вход заказан. И это так страшно, что только могучий материнский инстинкт, сильнее которого

ничего нет на свете, дает силы пройти этот путь.

Он крепко держал ноги, после потуги они дрожали.

…Когда Марина рожала Сашеньку, он был в походе. Оставил ее совсем одну. Даже не договорился в роддоме, и она оказалась в руках равнодушных акушерок, которые на нее кричали.

– Все, голова прошла, – объявила Кристина. – Последнее усилие, милая, давай! Все!!!

В руках у нее оказался младенец. Выглядел он настолько непохоже на ребенка, что Нейман от изумления затаил дыхание. Какая-то синевато-розовая тряпочка с белым налетом. Но тут тряпочка закричала, задвигала ручками и ножками и прямо на глазах, стремительно, стала превращаться в настоящего младенца.

– Мальчик у тебя, – громко сказала начальница.

Лицо роженицы разгладилось и лучилось торжествующим счастьем победительницы.

– Валентиныч, не отпускай пока. И лучше отвернись, я пуповину перерезаю и послед достаю.

– Можно без подробностей?

Нейман послушно зажмурился. Когда открыл глаза, ребенок, уже запеленатый, лежал на руках у матери.

– А теперь давай газу, будто за тобой черти гонятся.

В приемном отделении роддома их уже ждали. Акушер-гинеколог поздравила Кристину с принятыми родами, с шутливой торжественностью пожала руку Нейману, благодаря за помощь, и побежала заниматься пациенткой.

Они сели в машину, но Владимир Валентинович не спешил заводить.

– Ну как вы? – Кристина дотронулась до его руки, безвольно лежавшей на руле. – Сильно шокированы?

Он пожал плечами:

– Я много раз выходил из лодки через торпедный аппарат. В каком-то смысле это похоже на роды… Но я, черт побери, никогда не задумывался, что при этом чувствует торпедный аппарат.

Глава 3

– Где мой джедайский меч? – засмеялась Кристина Петровна.

«Какая же она хорошенькая, когда улыбается», – подумал Нейман. Ямочки на ее щеках заставляли его сердце биться быстрее.

Пока они были на вызове, неизвестный доброжелатель привязал к потолочному светильнику любимую кружку начальницы. Такие глупейшие шутки были на станции в ходу, и они странным образом давали измотанным медикам отличную психологическую разрядку.

Джедайский меч оказался не фигурой речи, а вполне реальным предметом. Кристина Петровна взяла рулон обоев, оставшийся после ремонта, и взмахнула им. Рулон удлинился в виде конуса.

– Трепещите, несчастные! – Потрясая «мечом», Кристина двинулась на фельдшеров, те сделали вид, что очень боятся, а Нейман полез за кружкой.

– Осторожно, капраз! Есть подозрение, что эти негодяи налили туда зеленки.

А он вдруг остро почувствовал свои годы. Вроде бы крепок телом и умом, а совсем не может вот так беззаботно радоваться жизни. И идея привязать посуду

к потолку уже никогда не придет в его голову…

Изображая паническое бегство, фельдшера открыли дверь на черную лестницу, и оттуда донеслось вдруг истошное мяуканье.

– Тихо! – скомандовала Кристина.

Они крадучись, чтобы не вспугнуть, вышли на лестницу. Пролетом ниже обнаружился крошечный котенок прозаической серой масти. Был он страшно худ, кривоног, шатался от слабости, один глаз заплыл, но рабочее око смотрело на Неймана светлым от наглости взглядом малолетнего преступника.

Кристина нагнулась к нему:

– Бедняга… Сейчас молока тебе налью.

Котенок коротко и возмущенно мявкнул.

– Пожалуй, я его возьму, – неожиданно для себя сказал Владимир Валентинович.

– Вы?

– Да, а что такого?

– Странно. Обычно мужики не очень-то любят кошек.

– Вы готовы любой грех приписать нашему полу, – улыбнулся Нейман. – Лично я прекрасно к ним отношусь.

Кристина объявила, что котенка необходимо отвезти к ветеринару, «проглистогонить», вывести блох и, если доктор не найдет острых заболеваний, сделать прививки. Она, как опытная кошатница, может проводить Неймана к хорошему специалисту.

После окончания смены Владимир Валентинович, игнорируя вопли протеста, сунул котенка в карман куртки и вместе с Кристиной отправился к ветеринару.

Утро выдалось морозным.

– Вам не холодно? – Нейману показалось, что на начальнице слишком легкое для зимы пальто.

– Нормально.

Владимир Валентинович пресек очередную попытку котенка обрести свободу и почувствовал, что животное мстительно написало ему в карман.

– Все же манто у вас не по сезону.

– Не обращайте внимания. Я коплю на шубу. А если куплю пуховик, то, во-первых, потрачу деньги, а главное, проблема зимней одежды как бы решится, и шубу я уже никогда не куплю. Лучше уж перетерплю этот сезон, а в следующий приду в таких соболях, что ахнете.

– Долго нам еще идти? Боюсь, этот хвостатый негодник удерет.

– Две минуты.

У ветеринара Нейман решил, что медицинских ужасов с него на сегодня хватит, и остался ждать в коридоре, зашел только потом – расплатиться. В результате всех процедур его кошелек похудел на три тысячи рублей. Ого, подумал Владимир Валентинович и быстро прикинул, что, будь в человеческой медицине такие расценки, Кристина Петровна могла бы покупать себе по две шубы в месяц.

Ему стало очень жаль ее, мерзнущую из чисто женского кокетства и неженского упорства.

– Кристина Петровна, у меня для вас есть одна вещица… – начал он, устраивая Нельсона за пазухой. Имя котенку придумалось само собой. Во-первых, одноглазый, хоть и временно, во-вторых, созвучно: Нельсон – Нейман. После общения с доктором кот присмирел, загрустил и как будто даже прильнул к Владимиру Валентиновичу. – Не шуба, но тоже меховая. В ней вы точно мерзнуть перестанете.

– Позвольте мне самой заниматься своим гардеробом.

– Кристина Петровна, я серьезно. Это так называемая канадка, меховая куртка для наружных вахт. Вы, наверное, меня в ней видели – черная такая, с воротником-капюшоном. Она мне досталась совершенно бесплатно, так что вы ничего не будете мне должны.

Тут Нейман немного слукавил. Получить на складе канадку было сложнее, чем, например, правительственную награду. Этот страшнейший дефицит доставался путем сложных интриг и многолетнего сотрудничества с кладовщицей. Недостижимее были только тапочки в дырочку – необыкновенно удобные кожаные тапки для подводников, несколько лет назад снятые с производства. Обладать этим «брендом» значило показать свою принадлежность к узкому кругу посвященных. У Неймана не хватило связей даже на одну новую пару вожделенной обуви, и он утешался только мыслью, что старая еще не совсем развалилась.

– Капраз, я в вашей куртке утону.

– Я хочу вам отдать не свою. Другую. Вам как раз будет.

Они немного попререкались, но все же Кристина согласилась зайти и примерить канадку. Тем более, заметила она, все равно придется идти в магазин, выбирать Нельсону приданое, а Владимир Валентинович обязательно напутает и купит всякой ерунды.

– Конечно, я же мужчина, что еще от меня ждать? – проворчал он.

Нельсон ничуть не удивился незнакомой обстановке. Он бодро обежал квартиру, заглянул во все углы и сразу обосновался на диване. Развалившись в подушках, насколько позволяло его тщедушное тельце, котенок пронзительно взглянул на хозяина: ясно тебе, кто тут главный?

Начальница вела себя не в пример скованнее – остановилась посреди комнаты, неловко сложив руки.

– Прошу, – Нейман сделал приглашающий жест, – чувствуйте себя свободно. Я думаю, чашечка крепкого кофе не повредит нам обоим, верно?

Она рассеянно кивнула:

– Да, верно. Только нужно поспешить в зоомагазин, срочно купить этому товарищу лоток. Иначе он выберет туалет по своему вкусу, и вам нелегко будет переучить его.

Нейман положил в туалете газетку на первый случай, а рядом с газеткой – описанный носовой платок, надеясь, что котенок поймет этот не слишком тонкий намек.

– Можно, я книги посмотрю? – Кристина склонилась возле библиотеки Владимира Валентиновича, сложенной аккуратными стопками в углу комнаты.

Холостяцкая обитель была строго выдержана в стиле минимализма – Нейман пока не купил ничего, кроме дивана, оккупированного теперь котом.

– Вы любите читать?

– Обожаю! Мужененавистница, кошатница и книгоманка – полный комплект, – усмехнулась она.

– Мои книги в вашем распоряжении. Если что-то заинтересует, с удовольствием дам почитать.

Взгляд невольно задержался на ее аккуратных грудках, обтянутых свитером удивительно приятного голубого цвета. Нейман подумал, как хорошо они легли бы в его ладони, и неожиданно вспомнил, что очень давно одинок в самом простом, плотском смысле этого слова. А может быть… Вдруг он не встретит сурового отпора? Кто их знает, этих феминисток, мужиков-то они ненавидят, но, возможно, ничего не имеют против секса…

Он тряхнул головой, отгоняя наваждение. Какой, интересно, бес внушает ему такие мысли?

Всей душой Нейман чувствовал, что между ним и Кристиной уже возникло что-то неуловимое, непонятное, может быть, и совсем не любовь. Но слишком нежное и хрупкое. Любое неосторожное движение разрушит это безвозвратно.

– Ого, вы читаете сентиментальные романы?! – смеясь, воскликнула Кристина.

– Не то чтобы читаю… – зарделся Владимир Валентинович.

Отпираться было глупо. Вот он, компромат: стопка книг, в основании «Унесенные ветром», а на вершине – по?кеты с розами и пронзительными усатыми красавцами на обложках.

– Понимаю, капраз. Зачем вам читать про опасности и приключения, если вы все это испытали на собственной шкуре. Но я, увы, не разделяю ваших вкусов.

– Посмотрите в самой левой стопке, там у меня неплохая подборка книг по истории, – предложил он уже из кухни.

Нарезав хлеб и открыв банку шпрот, Владимир Валентинович посчитал завтрак готовым. Еще у него были пряники и шоколадка.

– Котик совсем освоился, – заметила Кристина, появляясь на пороге кухни, – спит как ангел…

– Садитесь. – Нейман подвинул ей табуретку. – Делайте себе бутерброд, кофе будет готов через минуту.

– А как вы его варите? – Она повертела в руках пачку молотого «Жокея».

– Ну как… Заливаю кипятком, да и все. Или вам приготовить как-то по-особенному?

– Ни в коем случае! – Кристина Петровна будто даже обрадовалась. – Это замечательно, что вы такой… неискушенный, не устраиваете из обычного кофе сложного ритуала. А то мужчина на кухне, сами знаете.

Нейман хмыкнул. Кажется, любое его действие для Кристины – лишь сигнал к нелестным обобщениям насчет мужского пола.

– Когда мужчина готовит еду, это поистине эпическое зрелище. – Начальница аккуратно положила шпротину на хлеб. – Он отправляется на кухню как на войну, проводит там целый день, чтобы в итоге предъявить какой-нибудь жалкий плов, по вкусу нисколько не лучше, чем тот, что готовит жена. Но при этом он страшно горд собой, и то обстоятельство, что жена за время, потраченное им на приготовление плова, успевает сходить на работу, сварить полноценный обед, провернуть большую стирку и убрать в квартире, нисколько его не смущает. Если он взял в руки кухонный нож, то он, по определению, гениальный кулинар.

– Вы сгущаете краски…

– Ничуть. Вот проверьте как-нибудь. Позвоните своим знакомым, спросите: что делаешь? Жена просто скажет: готовлю обед, а муж гордо заявит: я занимаюсь мясом. Вот так: Я! Занимаюсь! Мясом! Все буквы большие. Это, конечно, если вам удастся поймать момент, когда он занимается мясом.

Владимир Валентинович улыбнулся. Он провел бы эксперимент, но его семейных друзей разбросало по всей стране. Сначала нужно их найти.

– И это не только в кулинарии, – продолжала Кристина. – Любая женщина сделает дело в два раза быстрее, в три раза лучше и в десять раз тише мужика. Но к ее достижениям общество равнодушно, сделала и сделала, а глядя на такую же работу мужчины, все захлебываются от восторга. Да что далеко ходить за примером: у нас дежурят три хирурга, две женщины и Холмогоров. Экстренная хирургия, каждому достается примерно поровну. И перфоративок, и непроходов, и ножевых, я не говорю уж об аппендицитах. Результаты примерно одинаковые, но Дорик и Лорик считаются глупыми бабами, которые невесть зачем поперлись в хирургию, а Холмогоров – юным гением. Почему? За что?

– Дорик и Лорик? – переспросил Нейман. – Что за имена?

– Это мы их так прозвали. По аналогии с Лелеком и Болеком, помните, сто лет назад был такой мультфильм? А на самом деле их зовут Лариса Анатольевна и Дора Иосифовна.

Нейман встрепенулся. Но нет, это слишком хорошо, чтобы быть правдой…

– А как фамилия Доры Иосифовны? – осторожно поинтересовался он.

– Комиссарова.

Нейман поставил турку на стол, и его лицо стало расплываться в счастливой улыбке…

– Вы ее знаете? Ну да, ведь ее муж тоже был подводником.

– Был?

Улыбка исчезла. Сердце Неймана глухо заныло. «Ты, Нейман, перевалил экватор своей жизни, и дальнейший твой путь будет дорогой потерь…»

– Он жив-здоров, – быстро сказала с тревогой наблюдавшая за ним Кристина. – С ним все в порядке. Он, между прочим, наш мэр.

– Глеб? Мэр?

– Да. И прекрасный. Мы почти единогласно выбрали его на второй срок. Вы, наверное, успели заметить, что в городе чисто, уютно. Это его заслуга. И доплаты у нас, медиков, выше, чем в среднем по области.

Нейман наконец разлил кофе по чашкам. Руки немного подрагивали.

Глеб – мэр города, ну и дела! Демобилизовался семь лет назад и, значит, сделал такую карьеру. Что ж, он этого достоин. Повидаться бы, вспомнить былые деньки… Но это раньше они оба были командирами лодок, а теперь один чиновник высокого ранга, а второй – простой водитель «Скорой помощи». Социальная пропасть.

– Странно, что вы до сих пор не встретились с Дорой в приемном, – сказала Кристина. – Хотите, я вам ее мобильный дам?

– Я и мечтать не мог, что найду здесь близких друзей, – с чувством сказал Нейман. – А для меня это очень важно, я ведь совсем одинок.

Она улыбнулась одними глазами, как-то трогательно и очень понимающе. У Неймана стало тепло на душе.

– Вот видите, вы сделали доброе дело, подобрали котенка, и награда не заставила себя ждать.

– Да ладно вам…

– Правда, капраз. Я давно заметила закономерность. Порог добрых дел. Как только начинаешь делать хорошие дела, помогать людям и не ждать за это награды, тут же твои желания начинают исполняться. Причем сбывается то, что действительно тебе нужно. Спасибо, все было очень вкусно, – Кристина отодвинула чашку, – особенно кофе. Пора за приданым для гражданина кота.

Как не хотелось прекращать эту уютную беседу… Кристина была первой гостьей в его доме, и вообще он давным-давно не завтракал с женщиной!

Но она устала после суточного дежурства, и у нее наверняка есть занятия поинтереснее, чем его развлекать. Вздохнув, он полез за канадкой.

– Вот, Кристина Петровна. Примерьте.

Куртка необыкновенно ей шла и сидела как влитая.

– Отлично выглядите!

– Но я не могу ее принять, Владимир Валентинович…

– А я не могу надеть. Она мне мала на пять размеров. Не выкидывать же!

– Продайте.

– Еще не хватало! Берите и ни о чем не думайте. Вам очень хорошо, правда! Сюда бы еще грубые джинсы и гриндерсы…

Она взглянула на него с шутливым ужасом.

– Капраз, вы прямо стилист какой-то…

– Стилист не стилист, а последние годы носил исключительно одежду от кутюр…

– Правда?!

– Я носил форму, – засмеялся Нейман. – А ее ведь Зайцев конструировал, так что я невольно приобщился к высокой моде. И теперь ответственно заявляю: вы смотритесь восхитительно.

Она колебалась.

– Великолепная кожа, и мех, сами посмотрите… Специальная куртка для работы на морозе и на ветру. Никогда не замерзнете, – искушал Нейман. – Жаль, у меня нет зеркала. Если бы вы себя сейчас видели, просто не смогли бы с ней расстаться.

Потом догадались посмотреться в стеклянную дверцу духовки.

Он видел, что канадка ужасно нравится Кристине Петровне, но начальница стесняется принять дорогой подарок. И понимает, что обидит его, если предложит деньги.

– Вы меня очень обяжете, если заберете куртку. Я вез ее для одного человека, но она оказалась ему не нужна.

Первый раз он ударил меня через три недели после свадьбы. Еще в медовый месяц. И это до сих пор кажется мне особенно горьким, ведь впереди у него было много лет безнаказанного насилия надо мной, неужели не мог потерпеть несколько дней, оставить мне хоть тот минимум счастья, который гарантирован любой новобрачной? Он ударил меня по лицу. Якобы за очередную провинность,

но я видела, что ему просто хотелось меня бить.

Пощечина почему-то стала для меня неожиданностью, хотя ей предшествовала мощная подготовка. Я выходила замуж очень молодой, по любви. Точнее, мне тогда казалось, что по любви, а теперь я сомневаюсь. Когда я стояла в загсе перед красивой женщиной с лентой через плечо, в душе было не счастье, а облегчение. Слава богу, больше не надо бояться, что останешься старой девой. А я панически страшилась подобного исхода своей жизни. Мама никогда не ориентировала меня на карьеру, я не слышала от нее коронной фразы «сначала окончи институт», наоборот, она всегда подчеркивала, что главное для женщины – создать семью. Она предостерегала меня, что это очень сложно в наше время, я выросла, зная, что настоящих мужчин почти не осталось, и найти такого – еще более редкая удача, чем выиграть миллион в мгновенной лотерее. Я знала, что есть парни, которые «обманут и не женятся», что нужно быть очень осторожной…

Боже, как я боялась, что никому не понравлюсь. У меня не будет кавалера. Или будет, но окажется негодяем и бросит меня. И тогда я умру от горя, потому что успею его полюбить…

Как смешно теперь вспоминать эти детские страхи!

А потом появился он. Не красавец, но с «благородным лицом», как сказала мама. Старше на четыре года. С престижной профессией. Прекрасно воспитанный. Образованный. Родители полюбили его быстрее, чем я. Особенно импонировало им, что мы познакомились не в ночном клубе, а очень респектабельно – на юбилее маминого начальника. Меня пригласили, потому что начальник помнил меня «вот такусенькой», и на службе у них до сих пор гуляет легенда, как я бесстрашно стукнула его куклой по коленке, когда он распекал маму. Видно, он решил в отместку разрушить мою жизнь, вот и познакомил с родственником…

Мне сложно разобраться в своих чувствах теперь, когда я оглядываюсь назад сквозь толщу лет, наполненных ложью и унижением. Наверное, все было – и радостно-тревожное замирание сердца, и предвкушение чуда… Но я не помню. В голове возникают совсем другие картины.

Мы гуляем по ночному городу. Белые ночи. Мосты разведены. Река, строгая и торжественная перед свиданием с морем. Вечный город-призрак…

Самая романтическая атмосфера. И мы целуемся, как другие парочки. Только в душе моей пусто. Ни восторга, ни пьянящей радости… Лишь чужие твердые губы мнут мой рот.

Я как ребенок, которому дали пустой фантик. Обижена. Разочарована. Почему так? Тут же нахожу объяснения. Первое – книги все врут. И подружки тоже. Ничего этого на самом деле нет. Просто эффект голого короля, а кто поверит, всю жизнь прогоняется за химерами. Объяснение второе – я моральный урод. Я вообще-то девочка умненькая, поэтому сразу изобретаю и ставлю себе диагноз: душевная фригидность. Мне просто не дано испытать чувство влюбленности.

Но почему-то третье объяснение, которое сразу приходит в голову всем нормальным женщинам, которое просто напрашивалось в этот перечень хотя бы по законам формальной логики, осталось мной так и недодумано. Рядом со мной чужой, даже чуждый мужчина, вся беда в нем – эта элементарная истина обошла меня стороной. Идея собственной неполноценности оказалась мне гораздо ближе. И в объятиях будущего мужа я терзалась не столько от разочарования, сколько от чувства вины. Не умею влюбиться… И я дала себе слово, что постараюсь исправиться.

Нейман хотел встретиться с Мариной на старом месте, но бывшая жена категорически отказалась идти в ресторан. Остановились на скромном сетевом кафе возле ее дома.

Она немного опоздала, вошла мрачная, заранее рассерженная, готовая к решительному бою.

– Подавай в суд, если хочешь, – заявила она. – Я консультировалась с юристами, не так много у тебя шансов.

– Во-первых, здравствуй, – улыбнулся Нейман. – Садись и скажи, что тебе принести. Здесь самообслуживание.

Он достал из-под столика букет и протянул Марине.

Нейман выбрал самый большой букет нежных тонов, пожалуй, он больше подходил юной невесте, чем матери большого семейства, но ему хотелось хоть на мгновение вернуть Марину в молодость, которая была у них общей.

Она пристроила цветы на пустом стуле и хмуро взглянула на Владимира Валентиновича:

– В чем подвох?

– Что ты, Марина… – Он взял ее за руку. Может быть, слишком дерзко, но это в последний раз. – Ты прости меня.

– За что?

– За все прости.

– Не поняла.

– Я не буду настаивать на встречах с сыном. Ты права, не надо его тревожить.

Марина отняла руку:

– Что это вдруг? – и покосилась недоверчиво, недобро.

– Я кое-что понял, милая. Хоть у нас по закону родители имеют равные права, мать и отец – это совсем не одно и то же.

Помолчали. В кафе было пусто, только в уголке сидела с ноутбуком девушка-студентка. За окном стемнело, шел снег, кружась и сверкая в огнях фонарей. Заметало, прохожие поднимали воротники, сутулились, и Нейман представил, как Марина сейчас побежит домой, пряча лицо от мороза и ветра.

– Ты отпускаешь нас, Володя? Я правильно поняла?

– Да, милая. Действительно, незачем ворошить прошлое.

Она пожала плечами:

– Какого черта нужно было ехать за сто километров? Ты мог бы сообщить мне о своем решении и по телефону. Или ты ждешь бурных проявлений благодарности? Чтобы я бухнулась перед тобой ниц и целовала твои ботинки?

– Боже сохрани! Просто мне хотелось проститься с тобой. Я ведь так до конца и не осознал, что мы развелись. Мы все решали по телефону и почтой, мне тогда не удалось даже поговорить с тобой. А теперь я смотрю на тебя и понимаю наконец, что свободен.

Марина кривовато улыбнулась.

– Кроме шуток, спасибо тебе, Володя.

– Не за что. Так должно быть.

– Что ж, прощай. – Марина встала.

– Прощай, милая. Знаешь… все эти годы мне снилась только ты…

После первого удара я была ошеломлена, шокирована, как человек, столкнувшийся с чем-то в принципе невозможным. Муж, избивающий жену, – в моем мире это было так же реально, как добрые феи, гномики или говорящие башмачки. Нужно было срочно бежать, что-то делать, чтобы уничтожить этот кошмар…

Я инстинктивно замахнулась – и получила второй удар. Он толкнул меня, я упала. Он взял мою голову в ладони и ударил сзади коленом по затылку. О, я прекрасно чувствовала, как он точно соразмеряет силу удара! Так чувствовала, будто это было мое колено, а не его! Если бы он ударил в аффекте, ослепленный яростью, от всей души, он бы меня убил. И может быть, так было бы для меня лучше всего…

Но он рассчитал очень точно, чтобы получить удовольствие и не ответить за это. Убей он меня или тяжело травмируй, у него были бы проблемы, а он не хотел

проблем.

Хлопнув дверью, он ушел в другую комнату. В голове шумело, сердце билось так, словно хотело выскочить из груди и убежать от меня. В те секунды я отчетливо понимала: чем так жить, лучше погибнуть.

Много позже я изучала в институте стрессовые реакции организма. Как они губительны для человека, сколько разных болячек вызывают. О нет, могла бы я ответить преподавателям. Эти реакции – благо, они ориентируют человека на защиту, все эти могучие выбросы в кровь гормонов и биологически активных веществ направлены на одно: прибавить человеку сил, чтобы он мог либо убежать, либо убить своего обидчика – словом, спастись. И только если человек тупо сидит и ничего не делает для своего спасения, стресс оказывается для него губительным. Потому что существо, не желающее бороться, оно биологически не нужно. Вот так. И мне плевать, что там доказано на молекулярном уровне, у меня есть лучший аргумент – собственный опыт.

В общем, все мои железы внутренней секреции и парасимпатическая нервная система (точка зрения официальной науки на текущий момент) требовали от меня решительных действий. А я не двигаясь лежала на полу и задыхалась от горя.

Мне некуда было бежать. Мысль вернуться к родителям казалась невозможной. Узнать, что дочь вышла замуж за психопата, который ее избивает, – они этого не перенесут. А вслед за бегством последует развод, но в нашей семье никогда никто не разводился. Неужели их дочь будет первой, нарушившей семейную традицию? Слишком тяжелый удар, я не могла им его нанести. И в глубине души, на самом дне, как червячок, копошилась мысль, которую я совсем не хотела думать. Я и не думала ее, но прекрасно знала, что она есть… Я боялась, родители скажут, что я сама виновата, и будут на меня сердиться. Они меня не прогонят, я была в этом уверена, но лучше уж жить с мужем, чем с родителями, которые потеряли уважение к тебе. Чьих надежд ты не оправдала.

Муж вернулся в комнату, посмотрел, как я валяюсь на ковре. И столько презрения было в его взгляде, что я сразу поднялась, несмотря на отчаянно гудящую голову. Он сказал, что погорячился, но я должна понять его вспышку, ибо «методически его доводила». Вот как! Мне бы расхохотаться ему в лицо, ведь, черт возьми, от этих слов мне стало смешно на самом деле… Но я вспомнила всю недолгую историю нашей семейной жизни. Наши скандалы,

начавшиеся в первую брачную ночь. Мои неловкие движения и неосторожные слова. Я была действительно очень неопытна. Но всегда это была не его обида, а мой грех. Если я хоть на волосок нарушала его комфорт – физический ли, душевный ли, – я была виновата. Моя святая обязанность – обеспечивать ему постоянное удобство и счастье. Я же его жена. Почему такой подход к браку не казался мне абсурдным? Почему я с самого начала, еще до избиения, получив от него суровую отповедь, не посылала его подальше, а забивалась в уголок и грызла сама себя – неужели я действительно такая плохая? Как мало мне нужно было времени, чтобы убедиться: да, я виновата. И сразу поднимал голову страх, липкий ужас: раз я не соответствую образу идеальной жены, он скоро меня бросит. А за этим «бросит» кончалась вся жизнь. Дальше не было ничего.

Я поверила. Мне очень хотелось поверить, что я сама виновата и спровоцировала его. Что его удары – адекватная реакция на мое безобразное поведение. Потому что иначе это было бы слишком страшно. Это была бездна, в которую я не хотела заглядывать.

Все дело во мне. И если я исправлюсь, это больше не повторится. Мы будем счастливы.

Глава 4

Нейман несколько раз набирал номер Доры, но так и не решился нажать кнопку вызова. Обрадуются ли ему после стольких лет разлуки? А вдруг Дора подумает, что он объявился из-за того, что узнал о высоком положении, которое теперь занимает Глеб, и хочет с этого каким-то образом поживиться.

Они подружились в тяжелый для Неймана период: он только оформил развод с женой, она бомбардировала его письмами и звонками, требуя разрешить усыновление Саши. Тогда к нему и подселили молодую семейную пару со странно взрослыми детьми. Мать только окончила институт, а старший мальчик уже готовился идти в школу. Дора была сочная молодая еврейка с пышными формами. Нейману не особенно нравился такой тип, но он признавал, что жена его боевого товарища выглядит привлекательно. Копна черных как смоль вьющихся волос, огромные средиземноморские глаза и пухлые губки с той особой снисходительной складкой, какая бывает только у воспитанных

семитских девушек. Глеб как-то терялся на ее фоне – невысокий, сухопарый блондин. Природа, словно спохватившись, что создала ему слишком незначительную физиономию, постаралась украсить его ранними глубокими морщинами. Действительно, резкие гусиные лапки в уголках глаз, точно нанесенные скальпелем времени, очень оживляли лицо Глеба и заставляли подолгу задерживать на нем взгляд, особенно когда Глеб улыбался.

От своих предков Дора унаследовала поистине библейскую энергию и физическую силу. Она была одной из немногих работающих жен в поселке и успевала абсолютно все. И работать на полторы ставки, и вылизывать квартиру так, что Нейману неловко было там находиться, и радовать семью, а заодно и соседа великолепными пирогами, поданными в специальной корзинке, выстланной хрустящей от крахмала салфеткой.

О, это была настоящая женщина, умевшая сочетать в себе несочетаемое: кокетство и верность, деспотизм и мягкость, силу и нежность.

Как-то Нейман встретил Дору, когда та шла с рынка, поигрывая тяжеленным мешком с картошкой, словно дамской сумочкой. Но стоило окликнуть ее и предложить помощь, она тут же изобразила умирающего лебедя. О, какая это была кокетка! Строить глазки было для нее так же естественно, как дышать, и Глеб страшно ревновал свою супругу.

Словом, это была очень дружная, трудолюбивая семья. Они не жалели Неймана, но сочувствовали ему, и очень быстро вовлекли в свою орбиту. Дора сразу заявила, что двум хозяйкам на одной кухне не ужиться, и Нейман стал просто отдавать ей паек и деньги на свое содержание. Если Глеб уходил в автономку, а Нейман оставался на берегу, то полностью принимал на себя заботы о семействе. Он считал себя больше братом, чем соседом, и тепло домашнего очага Комиссаровых не давало ему застыть в своем горе.

Он старался быть деликатным.

За тонкими переборками казенной квартиры ничего не утаишь. Зная это, Нейман старался вечерами пореже бывать дома, ходил в кино на последний сеанс или по крайней мере громко включал телевизор, хоть не любил смотреть его бесцельно. У них без всяких слов, автоматически установилось джентльменское соглашение – если в комнате супругов работал телик, Нейман врубал свой, а если нет, мирно

ложился спать. Сам он никогда не приводил женщин, хоть и знал, что Комиссаровы не выкажут ему даже тени недовольства. Просто у него не было таких отношений, которые достойно бы смотрелись в этом чистом дружном доме.

Так они прожили несколько лет, потом оба дослужились до командиров лодок и получили по отдельной служебной квартире. И, как часто бывает, стали видеться все реже и реже.

Глеб демобилизовался в тридцать восемь, Нейман считал его решение оставить флот ошибкой, но родители Доры состарились, стали нуждаться в постоянной заботе дочери, а Комиссаров не мог отпустить жену от себя.

Друзья уехали и как-то потерялись. Тогда Интернет не был еще доступен каждому, звонить по телефону было дорого, а писать письма – некогда, да и шли они слишком долго.

А потом… Как гласит поговорка, большая ошибка думать, что ты можешь обойтись без людей, но гораздо большая – считать, что люди не могут обойтись без тебя. Он, наверное, был не очень интересен Комиссаровым. Они дружили с ним, но привечали бы и любого другого соседа, для того чтобы дома у них было уютно и радостно.

На самом деле супругам вполне хватало общества друг друга, недаром Дора держалась особняком среди офицерских жен, а Глеб крайне редко оставался на «чисто мужские» посиделки.

Нейман был рад узнать, что эта прекрасная пара по-прежнему живет счастливо. Но стоит ли напоминать им о себе?

На следующий день муж пребывал в великолепном настроении. Нас как раз навестили родители, и они были просто очарованы им и его отношением ко мне. Впрочем, это не было работой на публику, он совершенно искренне радовался жизни.

А я обнаружила в себе задатки великой актрисы. О, как талантливо я изображала счастливую женушку! Как естественно смеялась!

И как, черт возьми, мне хотелось броситься в родительские объятия, плакать и кричать – заберите меня домой!

Но я понимала, что это невозможно. Они решат, что я сошла с ума, любимый зять в три счета объяснит им мою вспышку. Мол, повздорили вчера немножко, вот нашей маленькой неразумной девочке и привиделось бог знает что. Она такая нервная, так остро все воспринимает…

Они не станут сердиться, просто мягко пожурят, напомнят, что я стала замужней женщиной и должна быть сильной и мудрой. Теперь, скажут они, ты уже не можешь делать из мухи слона и впадать в истерики.

Им так приятно наблюдать нашу семейную идиллию, что они возненавидят меня, если я ее разрушу…

И я вдруг поняла, что эта иллюзия счастливого брака теперь составляет стержень моей жизни. Если не быть, то хотя бы выглядеть.

Оставшись наедине, мы с мужем переглянулись. Я прочла в его глазах облегчение и поняла, что мы превратились в сообщников, я же не выдала его! Мы словно заключили договор: я храню тайну о том, что он меня бьет, а он – о том, что… меня бьет! Ведь страшнее самих ударов для меня был страх, что «люди узнают». Кстати говоря, он ни разу не нарушил нашего молчаливого договора. В присутствии посторонних это исключительно заботливый супруг… Все, кто нас знает, завидуют моему счастью.

Он повел меня в постель и был даже ласков. Даже погладил мою свежую шишку на затылке и скороговоркой извинился. А заодно и повторил, что я сама виновата. И мне вдруг показалось, что он испытывает удовольствие, вспоминая о своих вчерашних подвигах.

* * *

Их снова вызвали в пригород, но случай оказался спокойным: обычная простуда. На станции тоже ничего срочного не ждало, и Нейман тихонечко себе ехал, наслаждаясь пейзажем. Раннее утро, смена идет к концу, и мечта о собственном уютном диване близка к свершению.

За ночь сильно похолодало, воздух будто смерзся, и теперь все виделось Нейману словно в хрустале. Вдалеке причудливое голубовато-белое кружево леса, из-за которого солнце уже показало золотой краешек. А вокруг нетронутое снежное поле, и домики, домики, все одинаково нарядные в зимнем уборе, с симпатичными, уютными подушками снега на крышах. Из некоторых труб поднимался совершенно вертикально в безветренной погоде дым, тоже белый. И он замерзал до неподвижности, как дыхание…

И песня по радио удивительно подходящая: «Серебро господа моего». Нейман не особенно любил Гребенщикова, но признал, что о зимнем пейзаже средней полосы тот выразился точно. «Разве я знаю слова, чтобы сказать о тебе?»

Несмотря на душевный подъем, который вызвала в нем красота морозного утра, Владимир Валентинович заметил, что среди обычных дачных домиков совсем не видно коттеджей и дворцов. Он спросил у Кристины, почему так.

– Это вам лучше у своего друга Комиссарова поинтересоваться, – весело ответила она. – Это он отдает земли близ города под садоводства, причем бесплатно. А особо неимущим гражданам, типа медиков и педагогов, даже выделяет средства на освоение участков. Ну, дороги там, электричество, раскорчевка.

– Знаете, ничего другого я и не ждал от Глеба.

– Да, он молодец, но я считаю, он слишком нас разбаловал. У нас же как – если есть халява, нужно ее немедленно превратить в суперхаляву. Граждане встрепенулись – сейчас возьмем по участку, добрый мэр поможет разработать, а мы быстренько приватизируем и продадим! Цены-то по области высокие. Но мэр устроил, что не так это просто сделать. И вот уже начинается недовольство – власть ущемляет мои права собственника! Нет чтобы вспомнить старую поговорку: подарки не передарки. Ну и конечно, наши активисты из правления бесятся. Они-то рассчитывали денежки не освоить, а присвоить, но Комиссаров им в доступной форме объяснил, что ответственность за экономические

преступления еще никто не отменял. И вот, бедняги, вместо того чтобы строить себе нормальные загородные дома, они вынуждены прокладывать дороги и вырубать лес на участках. Денежки текут, а к рукам не липнут, ужас просто! Я думаю, они себе тяжелейшие неврозы нажили на этом деле.

За разговором подъехали к городской черте. Миновали воинскую часть и автовокзал. Нейман давно заметил особенность: город выглядел чистым, ухоженным, в нем почти не было пустующих построек и брошенных предприятий, но в то же время не было и новых зданий, за исключением жилых домов. Все «присутственные» учреждения располагались в домах, построенных еще в советское время, так же как магазины и кинотеатры. Все они содержались в порядке, но без кричащей современной перестройки, а торгово-развлекательных центров, которыми буквально утыканы все крупные города, здесь не было ни одного. Это нравилось Владимиру Валентиновичу – при всей своей нарядности современные здания производили на него впечатление чего-то мимолетного, недолговечного, даже ненастоящего. Будто декорации устроенной и сытой жизни.

Он культурно затормозил на светофоре. В принципе, застав мигающий зеленый, можно было рявкнуть сиреной и проскочить, но зачем? Во-первых, невежливо, они же не везут тяжелого больного, а главное – чем раньше они вернутся на базу, тем больше вероятность, что придется ехать еще на один вызов. Откровенно говоря, перед концом смены не хотелось.

И тут в окно кабины постучала сухонькая старушка.

– Обождите, капраз. – Кристина открыла свою дверцу. – Что случилось?

– Вы не могли бы моего мужа посмотреть? Ему плохо стало в машине…

– Посмотрим. – Кристина отработанным движением выпрыгнула из кабины. – Берите чемодан, капраз, пошли.

Возле «девятки» стоял растерянный водитель, мужчина средних лет. Он даже не догадался съехать на обочину. Пожилой полный мужчина на переднем сиденье не подавал признаков жизни.

– Вы посмотрите, мне кажется, он неживой уже, – застенчиво предположила старушка.

Едва взглянув на больного, Кристина приказала Нейману:

– Бери мешок, дыши! А ты, – это уже водителю «девятки», – быстро откидывай спинку и снимай подголовник!

Налегая изо всех сил, она начала непрямой массаж сердца. В машине это было очень неудобно, при каждом движении она стукалась затылком о крышу, но, казалось, не замечала этого. Нейман приладил маску к лицу и заработал мешком.

– Валентиныч, ты понял, как качать? Давай, а я интубировать буду.

Они поменялись местами. Кристина устроилась на заднем сиденье, выхватила из чемодана ларингоскоп.

– Ты, – снова водителю, – когда скажу, подашь мне эту трубку. Валентиныч, нежнее, ребра сломаешь.

– Я понял. – Нейман немного умерил усилия.

– Трубка!!! Шприц подай! Все, интубация! Мешок сюда. Теперь ты дыши, я качаю, а ты, Валентиныч, быстро набирай мне три адреналина, три атропина и бегом в машину за дефибриллятором.

Молниеносно набрав лекарства, Нейман рванул к своему автомобилю. Никогда он так быстро не бегал на короткие дистанции. По собственной инициативе прихватил еще кислород.

– Давай! – Кристина занялась дефибриллятором, Нейман – массажем сердца.

Всем своим нутром он желал, чтобы его жизненная энергия здорового мужика перешла в тело этого человека! Это было какое-то животное, до стыда азартное чувство… На старушку он старался не смотреть. Как в тумане, словно из другого мира услышал вой спецсигнала – кто-то догадался вызвать им подмогу.

– Отошли! – закричала Кристина и приставила «утюжки» к груди пациента. – Все отошли, быстро.

Нейман услышал глухой хлопок, тело мужчины дернулось.

– Еще адреналин! Преднизолон сто пятьдесят! – скомандовала сама себе Кристина.

«Какая же она молодец! – мимоходом подумал Владимир Валентинович. – Как умело она нас организовала! Вон, парень, ни разу не медик, а дышит мешком, и хоть бы что. И как она приятно командует, четко, властно, без истерики. Она так уверена в своих силах, что одно удовольствие ей подчиняться».

– Отойди, капраз, буду внутрисердечно вводить. Бабку заслони, чтоб не видела.

Нейман обнял старушку, потерянно стоявшую возле машины, и отвернулся сам.

Краем глаза он увидел, что к ним спешит помощь – их «Скорая» и машина с пациентом успели создать на перекрестке затор, второй «Скорой» через него было не пробиться, поэтому Филатов с Наташей бежали к ним, нагруженные медицинской амуницией.

Кристина снова взяла дефибриллятор и скомандовала отойти. Нейман как-то отстраненно подумал, что это очень опасно – работать с током высокого напряжения в машине – не в специально оборудованном автомобиле «Скорой помощи», а в обычной легковушке. Сколько там железа! Можно получить страшный, даже смертельный удар электричеством. А Кристина делает свое дело, хотя наверняка знает, чем это может кончиться.

– Пошло, – осторожно сказала она. – Валентиныч, миленький, вроде пошло… Посмотри, на сонных пульс появился или мне кажется?

Он приложил пальцы к сонной артерии и ощутил толчки. Слабые, вялые, но они, черт побери, были! Да и больной уже не смотрелся трупом. Нейман ни за что не смог бы объяснить, в чем тут разница, но выглядел дед по-другому.

– Тащи носилки, попробуем переложить. Только чуть-чуть стабилизируем.

Подоспели медики, и Нейман с радостью передал им полномочия реаниматора. Спросил старушку, не нужна ли помощь, и, получив отрицательный ответ, приступил к своим прямым обязанностям: оценил дорожную обстановку. Она не радовала. Не поделив перекрестка, две красивые иномарки стукнулись, как пасхальные яички, и теперь ждали комиссара. Миновать перекресток быстро было нереально. Он посмотрел назад, где застряла вторая «Скорая», – пожалуй, вариант. Встречка из-за пробки пустая, можно развернуться и объехать затор. К счастью, здесь двойная сплошная, иначе все пути были бы закрыты. Но вторая «Скорая» далековато… Ничего, та же встречка нам поможет. А чтобы никто не полез…

Машина Неймана стояла в левом ряду. Вскочив за руль, он переставил ее на встречную полосу, поперек движения. Включил все сигналы и позвонил водителю второй машины на мобильный. Тот только выругался – он был заперт в правом ряду. Пришлось бежать, уговаривать водителей сделать коридор.

Осторожно перегрузили пациента в «Скорую», и Филатов с Наташей умчались с ним в приемное отделение. Старушку забрали с собой.

Нейман подошел к шоферу «девятки» и пожал ему руку:

– Спасибо.

– Да, без вас мы бы не справились. Вы кто, родственник, знакомый? – спросила Кристина.

Парень покачал головой:

– Просто подвозил.

– Вы очень грамотно помогали. Не медик, случайно?

– Нет. Таксист.

Нейман посмотрел внимательно. Так… черные штаны со стрелками, непринужденно прямая спина, а на ногах у нас что? Флотские ботинки! И усатая физиономия, не слишком обезображенная интеллектом. Не нужно быть

Шерлоком Холмсом, чтобы сказать: перед нами демобилизованный морской офицер в поисках работы, подрабатывающий частным извозом. Наверное, получил квартиру в том же доме, что и Нейман. Будут теперь здороваться, встречаясь во дворе… Парень вдруг улыбнулся, кажется, тоже разглядел на Владимире Валентиновиче особую печать. Хорошо бы поговорить по душам, но некогда. Нужно срочно убирать машину с дороги. А все же приятно, что морской офицер оказался на высоте.

Он подмигнул парню:

– Спасибо, брат!

Они с Кристиной пошли к машине.

– А мы не на базу, – «обрадовала» начальница. – Эти ушлые ребята слили нам свой вызов. Едем… – Она назвала адрес. – Неожиданностей там не предвидится. Милиция вызывает констатировать смерть. Чистая формальность. Так что скоро вернемся смену сдавать.

Нейман вздохнул. Он с чувством исполненного долга пойдет домой, а Кристине придется отработать еще целый день как заведующей. Он решил подняться «в адрес», чтобы ей не было так грустно одной среди милиционеров.

Они вошли. В квартире царила та запущенная бедность, которая вызывает чувство отвращения пополам с жалостью. Труп женщины лежал прямо в прихожей, и, прежде чем отвести взгляд, как подобает скромному человеку, Нейман понял, что женщина ему знакома.

Да, верно… Кристина, как положено по протоколу, стала проверять реакцию зрачков на свет, и Нейман увидел лицо. Та самая несчастная, за которую он вступился перед травматологом.

Из разговоров сотрудников милиции он понял, что женщину забил до смерти муж в приступе белой горячки. Его уже увезли.

Кристина подтвердила факт смерти, быстро написала заключение и мрачно простилась с милиционерами.

– Снова скажете, что она сама виновата? – спросил Нейман, когда они сели в машину.

Этот вызов начисто убил легкую эйфорию, в которой оба пребывали, вернув человека к жизни.

– В каком-то смысле да. Нужно было вовремя разводиться.

Владимир Валентинович покачал головой. Он не мог понять женщину, которая позволяет над собой издеваться, но женщину, желающую всеми силами сохранить свой семейный очаг и готовую ради этого на жертвы, презирать тоже не мог. Может быть, ей нужно было активнее бороться с пьянством мужа? Хотя на его памяти ни одной жене не удалось победить этот недуг в своем супруге.

– Как-то нужно помогать таким женщинам, – сказал он. – Защита какая-то у них должна быть, чтобы до убийства не доходило. В городе есть кризисный центр?

– Прекрасно! – эмоционально воскликнула Кристина. – Меня в моем собственном доме бьют по голове, а я должна бежать в кризисный центр к бомжихам и проституткам! Камера предварительного заключения для мужа – вот наилучший кризисный центр в таком случае!

– Вы совершенно правы.

– Права-то права, но на самом деле правы вы!

От удивления Нейман чуть не съехал на обочину.

– Женщина действительно беззащитна перед семейным насилием, – продолжала Кристина, – и не только из-за психологической зависимости от мужа. Даже если она решает бороться, закон не становится на ее сторону. У нас в городе еще хорошая ситуация, милиция реально заботится о гражданах, и посадить такого мужа на пятнадцать суток, если жена в последний момент не идет на попятный, вполне возможно. А вообще, общество поворачивается к пострадавшей женщине спиной. Она абсолютно одна и в своем терпении, и в своей борьбе.

– Да, видел в нашем приемном отделении…

– При чем тут мы? Запись травматолога все равно не имеет юридической силы. Но у нас хотя бы милиция принимает заявления без вопросов, а в других городах начинается медико-милицейский футбол.

– Что за спорт такой?

– Обычно бывает так. Женщина идет в милицию, в дежурную часть, например. Помогите, муж избил. Никому не охота этим заниматься, и ей говорят: очень хорошо, идите в травмпункт, снимайте побои, оттуда нам передадут телефонограмму, и мы немедленно начнем расследование вашего дела. Женщина обращается в травмпункт, но она человек наивный, поэтому честно признается, что ей надо снять побои. И медики говорят ей то, что вы слышали из уст нашего травматолога. Получается, и там послали, и тут послали. Женщина понимает, что идти ей на самом деле некуда. Если она очень упорная, возвращается в дежурную часть. Там ее отправляют к участковому милиционеру. Даже сообщают приемные часы, мол, завтра с одиннадцати до пятнадцати. Она спрашивает: а если я не доживу до завтра? В ответ слышит хрестоматийное уже выражение: вот когда не доживете, тогда и приходите.

Нейман покачал головой:

– Видите…

– Но я же сказала, – перебила его Кристина, – что у нас в городе в отличие от других заявления принимают! А вообще, есть одна маленькая тонкость, которая может разорвать замкнутый круг. Если вам когда-нибудь потребуется снять побои, а в милиции вас пошлют, не говорите в травмпункте, что пришли фиксировать повреждения. Сначала просто жалуйтесь на здоровье: тошнит, голова болит. А обстоятельства травмы вверните между делом, тогда телефонограмму передадут и без ваших просьб.

– Спасибо за науку, – засмеялся Нейман, неспособный представить себя в роли жертвы.

– И вот она, несолоно хлебавши, возвращается домой. Скорее всего до утра ей ничто не угрожает, муж выпустил пар и мирно спит. Допустим, она полна решимости, с одиннадцати до пятнадцати идет к участковому и говорит: помогите, муж бьет. Тот: не волнуйтесь, женщина, я с ним разберусь. Зайду к

вам домой и проведу профилактическую беседу. Потом ему лень, потом мужа дома не оказывается, потом участковому снова лень, потом женщина опять приходит: где же вы? Он: ладно-ладно, иду. Доползает, говорит мужу: слушай, ты давай потише, не порти мне показатели. Как только за участковым закрывается дверь, в муже вскипает чувство собственного достоинства: ах ты, предательница! Родного мужа заложила! Получи же, Павлик Морозов в юбке! Возможно, эта женщина как раз стала жертвой подобной беседы.

– Жалко ее…

– Да. Но помочь ей было невозможно.

Нейман вздохнул. Пробка, устроенная ими утром, разбухла, путь к станции «Скорой помощи» был почти блокирован. Ладно, подождем, неизвестно ведь, что на других дорогах.

И кажется, ему приятнее сидеть в неудобной кабине с Кристиной, чем отдыхать дома одному…

– Даже у нас, притом что милиция при Комиссарове стала работать гораздо лучше, изолировать драчливого мужа совсем не просто. Если он просто слегка побил жену, не причинив вреда здоровью, то это относится к административному правонарушению. А административное правонарушение – это у нас что?

– Что?

– Это, капраз, причинение вреда охраняемым законом общественным отношениям. Понятно? Общественным, а не личным. То есть у него больше шансов загреметь на нары, если он ругается матом возле пивного ларька, чем если бьет дома жену, ведь при этом он не нарушает общественного порядка. А про сексуальное насилие я вообще молчу. Если женщина обратится с заявлением, что ее изнасиловал собственный муж, над ней просто посмеются. И это еще будет самая доброжелательная реакция, а могут ведь и сказать: психопатка, сумасшедшая!

– Но это действительно странная ситуация. Есть, в конце концов, такое понятие, как супружеский долг…

– Знаете что? – перебила его Кристина. – Ну вас к черту! – И резко отвернулась.

– Не сердитесь. Пожалуйста! Кристина Петровна, простите негодяя.

– Не хочу я больше с вами разговаривать!

– Ну простите. Нехорошо сказал, не подумал.

– А вы вообще не думаете, когда дело доходит до секса!

– Вы – это вообще «вы» или я конкретно? – на всякий случай уточнил Нейман.

– И вообще, и скорее всего вы конкретно тоже. – Кристина изо всех сил старалась сохранить сердитое лицо, но краешек рта все же выдал ее улыбку. – Вы, мужчины, можете насильно принуждать женщину делать то, что ей противно и больно, лишь бы получить от ее тела максимум удовольствия.

– Боже сохрани! Там, где боль, секса нет. – Неймана даже передернуло.

– Короче! – Она вдруг заговорила горячо и быстро: – Как вы думаете, если женщину использовали в противоестественной форме, сломив ее сопротивление, причинив боль и унизив, имеет она право на возмездие, пусть даже это сделал законный супруг?

– Безусловно.

– А над ней все ржут! Она не вызывает ни сочувствия, ни жалости, только презрение. И мужик прекрасно знает о своей безнаказанности. Как волк, раз попробовав свежатины, никогда не перестанет убивать, так и мужик, подняв руку на женщину, никогда не остановится. Он скорее бросит пить, но избивать жену не перестанет. Поэтому развод – единственный выход. Но и он иногда не помогает.

– Почему?

– Элементарно некуда идти. Не у всех есть собственное жилье, а одинокой женщине, как правило, с ребенком, взять его негде. Даже квартиру не снимешь, тут дай бог, чтобы на еду хватило, ведь такой мужик будет всеми правдами и неправдами уклоняться от алиментов. Бывает, разведенным супругам по многу лет приходится жить в одной квартире. Вот женщина и думает: а стоит ли огород городить? Что этот развод изменит? И тут есть резон – если они не разведены, она по крайней мере имеет официальное основание не пускать в дом посторонних баб. К тому же развод – процедура непростая и, главное, небыстрая. За время, которое судья дает на примирение, муж успевает сломить волю жены. Что-то вроде стокгольмского синдрома. Нет, если вы хотите защитить женщину от семейного насилия, нужно менять законы!

Нейман хмыкнул. Ему-то законы казались нормальными, ненормальным было их исполнение. Но поток машин двигался медленно, на перекресток они попадут еще не скоро, почему бы не послушать мнение начальницы?

– Конфетку будете? – Он достал из кармана леденец.

Кристина Петровна очень детским движением положила в рот желтый шарик и продолжала:

– Беда в том, что у нас равенство полов. В том числе в имущественных правах. Между тем если для мужчины развод всего-навсего возможность создать новую семью, то для женщины он зачастую становится крушением всей жизни, в том числе ее материальной составляющей. Если она добросовестная мать семейства, то неизбежно приносит в жертву карьерные интересы. Пусть она работает, пусть даже хороший специалист, все равно – декретные отпуска, больничные по уходу за детьми. Она не торчит на службе допоздна и дома занимается хозяйством, а не пишет доклады и научные статьи. Ее материальное положение – это прежде всего заработки мужа, который целиком посвятил себя службе. И вот они через двадцать лет совместной жизни расходятся. Суд делит все совместно нажитое пополам. Как будто бы правильно, но после развода муж остается со своей должностью и соответствующей зарплатой, а она со своим окладом библиотекарши или медсестры… Пока она была жена, заботы о муже выглядели совершенно естественно, но из суда она выходит с пониманием того, что последние двадцать лет была бесплатной прислугой чужого человека. Это я еще беру цивилизованный вариант с приличными людьми. Что говорить о маргинальной ситуации, когда самыми существенными приобретениями женщины в браке становятся синяк под глазом и парочка сотрясений мозга?

Поэтому необходимы такие законы: во-первых, жена с пятнадцатилетним стажем имеет право на алименты. Или, по согласованию, забирает себе все совместно нажитое. Если же жена подает на развод в связи с насилием, муж обязан обеспечить ее жильем. И никакие, – Кристина энергично провела пальцем перед носом Неймана, – повторяю, никакие отмазки, что квартира принадлежит мужу, не играют роли. Бьешь жену – собирай манатки и отправляйся на все четыре стороны, хоть даже в этой квартире жили все твои предки до Ивана Грозного. Нет своего жилья – бери где хочешь. Вступай в ипотеку, оплачивай жене съемное… Нет денег – иди работай. Нет работы – тебя найдут судебные исполнители. И под белы ручки отведут, и в ручки эти лопату вложат.

– Послушайте, при таких законах в суды выстроится длиннейшая очередь побитых жен. Кто откажется от шанса получить лишнюю жилплощадь?

– А кто откажется от хорошего мужа? Если вы счастливы в браке, то ни при каких условиях не променяете его на одиночество.

– Кристина Петровна, бывает же, что человек просто хочет развестись? Полюбила другого, например. Почему бы не воспользоваться шансом хапнуть квартиру мужа?

– Вы как маленький, капраз. Шила в мешке не утаишь, систематическое насилие всегда можно доказать.

– Насилие-то можно, а вот как докажешь, что его не было?

Кристина вздохнула:

– Да, тут надо поработать над регламентом. Хотя… На самом деле это тоже полумера. Единственный закон, который реально может спасти нацию, – это освобождение жены от уголовной ответственности за убийство мужа.

– О господи! – Нейман даже подскочил на сиденье. Он быстро подсчитал, что, будь у Кристины Петровны верховная власть, лично он уже пятнадцать лет как лежал бы в могиле. Он старался быть Марине хорошим супругом, но когда дело касается любви, женщины безжалостны. – Что вы говорите!

– Прежде чем возмущаться, вы бы посмотрели статистику, капраз! В результате семейного насилия каждые три минуты гибнет женщина. Сколько мы стоим в пробке? Пятнадцать минут? Подсчитайте-ка! В бою, наверное, меньшие потери. А раз бой, мы имеем право защищаться, верно?

Владимир Валентинович неопределенно пожал плечами. Хороший бизнес для красивой женщины, однако… Если разумно подойти, к тридцати годам можно полностью обеспечить свою будущность. Два-три мужа, и дело в шляпе!

– Этот закон реально оздоровит нацию. Поверьте, при нынешнем дефиците мужиков уничтожать будут только самое распоследнее чмо. Которое вообще никуда не годно. Да и мужики станут более ответственно подходить к выбору спутницы жизни. Во всяком случае, у состоятельных бизнесменов поубавится пыла бросать жену ради молодой красотки.

– Вы плохо знаете мужчин, – мстительно заметил Нейман. – От молодой красотки нас ничто удержать не может. Даже перспектива пасть от ее руки.

После скандала муж был очень мил, и я воспрянула духом. Я поверила, что это была случайная вспышка, мимолетный визит демона. И демона накликала именно я, собственным поведением. Я вспоминала все свои огрехи, самым тяжелым из которых была чашка кофе, оставленная возле компьютера, и повторяла как заклинание: такое и святому не выдержать. Почему мне так хотелось знать, что я сама «довела» мужа? Почему мне приятнее было считать себя лентяйкой и неряхой, чем признать его жестоким психопатом? И я ходила по струнке, выверяя каждый шаг, пуще смерти опасаясь вызвать его раздражение. Я боялась не физической боли, я была в ужасе от того, что расправа повторится. И придется снова безропотно перенести экзекуцию. Я прекрасно понимала, что это будет мое окончательное посвящение в ранг жертвы.

И я старалась угождать ему, лишь бы не разозлить, лишь бы продлить момент, когда побои можно еще считать досадной, нелепой случайностью, а меня – полноценной женщиной с незапятнанным чувством собственного достоинства, которая способна извинить вспышку гнева и исправить собственные недостатки.

Но с каждым днем он становился мрачнее и мрачнее. Самое страшное, что мое безупречное поведение больше всего его бесило, он почти маниакально искал повод придраться. Но у меня на все был ответ: прости, дорогой.

Держаться, держаться, говорила я себе. Нервы звенели от напряжения, но я терпела. Как мне хотелось схватить его за волосы и окунуть головой в унитаз (да, именно эту упоительную картину я представляла себе в самые критические моменты), потом врезать острым носком туфли под копчик и уйти навсегда, громко хлопнув дверью! Но вместо этого я складывала губы в милой улыбке и выполняла очередной его каприз. Мне казалось – нужно еще потерпеть, и он переломается, как наркоман. А если сорвусь, то после минуты торжества мне уготована горькая жизнь одинокой женщины.

Наверное, меня подвела привычка судить о людях по себе. Я же тоже хочу ударить его, но терплю, значит, будет терпеть и он. Хотя бы пока я не дам повода, а я его не дам.

Свою ошибку я поняла, когда мне в лицо полетела тарелка с супом. Довольно горячим, но не настолько, чтобы оставить ожоги. Будь температура хоть на пару градусов выше, он кинул бы в меня что-нибудь другое. Ведь ожоги – это следы преступления, а он не хотел оставлять следов. «Сколько раз повторять тебе, что нельзя три дня кормить мужа одним и тем же супом!» – эта претензия явно была придумана наспех, уже после броска. Я открыла рот для оправданий (дура! какая дура!!!) – мы ведь утром обсуждали меню обеда, но получила затрещину.

Не дай бог никому почувствовать этот сухой жар сердца, этот огонь без пламени, когда ты твердо знаешь, что правда на твоей стороне, но ты никогда не найдешь слов, чтобы убедить человека, а если и найдешь, он все равно не станет тебя слушать!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

На военно-морском жаргоне – капитан первого ранга.

Купить: https://tellnovel.com/mariya-voronova/klinika-zhertvy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити